

АЛЕЙДА АССМАН

Европейская мечта

Переизобретение нации

библиотека
журнала

ИСТОРИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ АНТРОПОЛОГИЯ

неприкосновенный
запас

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Алейда Ассман

**Европейская мечта.
Переизобретение нации**

«НЛО»

2019

УДК 323.1
ББК 66.094

Ассман А.

Европейская мечта. Переизобретение нации / А. Ассман —
«НЛО», 2019 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1831-2

Наследие главных катастроф XX века заставляет европейские страны снова и снова пересматривать свое отношение к истории, в процессе таких ревизий решается судьба не только прошлого, но и будущего. Главный вопрос, который перед нами стоит, звучит так: «Есть ли альтернатива национальной гордости, опирающейся на чеканные образы врага и забывающей о жертвах собственной истории?» В двух новых книгах, объединенных в этом издании под одной обложкой, немецкий историк и специалист по культурной памяти Алейда Ассман тоже задается этим вопросом. На фоне сдвига в сторону национализма, случившегося в последние годы во многих европейских государствах, знаменитая исследовательница анализирует послевоенный опыт и осмысливающие его критические теории. Автор предлагает не соглашаться ни с утопистами, мечтающими о глобальном космополитическом обществе, ни с воинственными популистами, апеллирующими к гордости и силе нации, а связать свои надежды с мемориальной культурой, задача которой – переизобрести нации, сформировать у них совесть и сделать их ответственными за безопасное будущее Европы.

УДК 323.1

ББК 66.094

ISBN 978-5-4448-1831-2

© Ассман А., 2019

© НЛО, 2019

Содержание

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕЧТА	6
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	9
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	11
ОБ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	12
ЧЕТЫРЕ УРОКА ИСТОРИИ	15
УРОК ПЕРВЫЙ: СОХРАНЕНИЕ МИРА – КАК ВЕКОВЕЧНАЯ ВРАЖДА ПРЕВРАТИЛАСЬ В ДОБРОСОСЕДСТВО	15
УРОК ВТОРОЙ: (ВОС)СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДИКТАТУРЫ В ДЕМОКРАТИЮ	19
УРОК ТРЕТИЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА И ФОРМИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	23
УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ: НОВОЕ ОТКРЫТИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алейда Ассман

Европейская мечта. Переизобретение нации

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕЧТА

Четыре урока истории

*Посвящается носителям и подвижникам культуры
гостеприимства*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Русский перевод включает в себя две мои книги, вышедшие на немецком языке отдельными изданиями с разницей в два года. Идея их объединить принадлежит моему другу и неутомимому переводчику Борису Хлебникову, взявшемуся за эту трудную задачу с присущей ему увлеченностью, скрупулезностью и вдумчивостью. Я также очень благодарна Ирине Прохоровой за то, что она любезно позволила опубликовать книгу в ее уважаемом издательстве. Однако соединение двух разных книг привело не просто к увеличению объема издания. Нет, под одной обложкой здесь соединяется то, что взаимосвязано. Это требует некоторых пояснений.

Мой интерес к нации возрастал по мере того, как я замечала, что начавшийся в 1990 году процесс демократизации в последние годы все больше подвергается атакам со стороны популистских движений. В результате цифровизации качество таких публичных медиа, как пресса, телевидение и радио, которые когда-то именовались «четвертой властью» (наряду с исполнительной, законодательной и судебной в спектре разделения властей), претерпело глубокие изменения. Ограниченное число читателей, зрителей, слушателей после разрушения информационных барьеров превратилось в миллионы «пользователей» и «подписчиков». Традиционные формы освещения событий и площадки публичных дискуссий, которые сопровождали политические события и оказывали на них влияние, стерты. Возможности высказывать свое мнение чрезвычайно возросли, что привело не только к укреплению демократии, но и к угрозам для нее. Обойти контроль качества стало легко, и это открыло ворота для злоупотреблений драгоценным товаром. Неконтролируемые каналы вещания и целенаправленная дезинформация сегодня играют заметную роль в политике. В 2016 году они привели к брекситу и к избранию Дональда Трампа в США президентом нового типа, который, хотя потом и был смещен с поста общими усилиями нации, но продолжает за кулисами сохранять и расширять свою власть с помощью собственной медиаполитики.

Подобное развитие событий можно наблюдать и в Германии. С 2017 года партия «Альтернатива для Германии» (АдГ) представлена в Бундестаге 93 депутатами. С тех пор там царит грубость, которая отравляет дискуссии и открыто раскалывает общество. Само государство, а также Европейский союз там предстают в образе врага.

Правозэкстремистские партии активизировались с началом миграционного кризиса и консолидировались вокруг созданного на этом фоне образа политического врага. Намного проще пробуждать страх и эмоциональное недовольство в обществе, чем справляться с новыми вызовами и принимать беженцев, людей с другим прошлым. Но именно это сегодня и требуется: принять необратимые перемены, вызванные односторонними человеческими действиями. Это относится как к миграционным перемещениям, так и к изменению климата. Измене-

ния стали неотъемлемой частью нынешней реальности, и от нашей способности меняться не в последнюю очередь зависит, будет ли у наших потомков общее будущее на этой планете.

В глобализованном мире повсюду усиливаются тенденции к ренационализации, сопровождающиеся демонтажом демократии. В Германии тоже растет сопротивление Европейскому союзу, в котором националисты усматривают прежде всего посягательство на суверенитет национальных государств. Действительно, члены содружества уступают суверенитет ЕС. Но это не вся история, потому что как союз государств они обретают больше суверенитета, чем отдельные государства. Именно идея общности после 1945 года стала локомотивом экономического развития государств, объединившихся в ЕЭС, и сегодня она снова актуальна, поскольку это эффективный способ ответить на глобальный кризис и вызовы времени.

Вот почему я говорю в этой книге о «европейской мечте». Под ней я понимаю четыре урока, усвоенные странами ЕС после 1945 года. В этих уроках я вижу основу и перспективы Европейского союза, который по-прежнему предлагает общее видение будущего. Проект ЕС включает в себя 1) мирный проект: вместо милитаризированной экономики – экономическое сообщество, 2) демократический проект: вместо диктатур – установление демократии, 3) диалогическую мемориальную культуру: самокритичный взгляд на историю, признающий собственные преступления, и 4) права человека: защита беженцев и меньшинств. Благодаря этим четырем урокам был создан совершенно новый, ранее не существовавший тип нации, я называю его – «гражданская нация», которая в союзе с другими гражданскими нациями ставит свои конституционные принципы на общую основу и тем самым делает их объектом взаимной критики, свидетельства и защиты. Благодаря этому немецкая нация преодолела свою историю как воинственной, агрессивной и геноцидальной нации и была принята в ассоциацию гражданских наций.

Красной нитью через всю книгу проходит тезис о том, что демократия укрепляется самокритичной мемориальной культурой и, наоборот, упразднение демократии ведет к историческому ревизионизму. Последнее нашло отражение в форме сопротивления истории, которое казалось уже преодоленным Германией. Мемориал жертвам Холокоста в Берлине был объявлен «памятником позора», что сопровождалось стремлением представить историю очищенной от вины и преступлений. С точки зрения АдГ, апеллирующей к гордости и силе нации, эти события впредь не должны больше влиять на самооценку немцев.

Такой сдвиг вправо, происходящий сегодня во многих государствах – членах ЕС, ведет к выхолащиванию и предательству принципов Европейского союза. Не только в Европе, но и во всем мире нации снова становятся националистическими и воинственными; и далеко не ясно, как вернуть их приверженность к гражданской конституции. Что мы вообще можем противопоставить этой тенденции? Есть ли альтернатива национальной гордости, опирающейся на чеканные образы врага и забывающей о жертвах собственной истории? Путь, который здесь открывается и который представлен в этой книге в многообразных примерах, связан с третьим уроком истории – самокритичной мемориальной культурой. Она восходит к 1980-м годам и основывается на осознании того, что нации с помощью своих исторических воспоминаний могут создать совесть, которая формирует их представление о себе и делает их нравственными и ответственными за будущее. У этой самокритичной мемориальной культуры, которая не только прославляет героев, но и чтит память о жертвах, пока еще очень короткая история. Но у нее, возможно, большое будущее, потому что во всем мире все чаще задаются вопросами: кому принадлежит история? Кто ее пишет? Кто ее собеседник, а кто лишен голоса? Очень важно на этом пути прислушаться к голосу чернокожего борца за гражданские права Джеймса Болдуина, выступившего в 1960-е годы за включение истории рабства в американский национальный нарратив: «История, которую, похоже, никто не знает, это не только то, что читают. И касается она в первую очередь не прошлого. Напротив, великая сила истории в том, что мы несем ее внутри себя».

Алейда Ассман, февраль 2022 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Европа издавна привыкла видеть себя в лстящем ей зеркале. Она мнила себя омфалом, Пупом Земли, колыбелью цивилизации, откуда разнообразнейшие достижения культуры распространились по всему миру. Такой популярный «автопортрет» Европы до сих пор представляет ее оплотом разума, свободы и демократии. Однако неевропейцы видят в нем проявление «идеологии европеизма». Сегодня мы, естественно, знаем, что именно в Европе брали свое начало национал-социализм и сталинизм, приведшие к многочисленным разрушительным последствиям. Но до сих пор почти не обсуждается то обстоятельство, что цивилизованные европейцы веками считали себя привилегированной расой господ, оправдывая этим принижение других народов и культур. Противопоставление «варварских» и «цивилизованных» культур использовалось для разделения людей на различные группы не только в миссионерских целях или ради приобщения к цивилизации, но также для их порабощения и эксплуатации. Все это не просто история, а в известной мере наша современность, ибо мы живем в тесно взаимосвязанном и одновременно полном глубокого неравенства мире, который создан европейским империализмом. Новое в этой ситуации, как полагает Панкадж Мишра¹, лишь то, что другие теперь тоже пишут собственные истории. Европа больше не может довольствоваться рассмотрением исключительно собственной истории, в условиях глобальных связей ей приходится учитывать существование других наций вне Европы. Мишра резюмирует: «Подготовлена почва для более сложных форм представлений о себе, которые свободны от самодовольства, национальной мифологии и расового высокомерия»².

Понятие «европейская мечта», определившее название этой книги, не восходит к давней традиции представлений гордых европейцев о самих себе, оно возникло вследствие трудной работы самосознания и критических размышлений о собственной истории, чего и требует Панкадж Мишра. Перекликаясь с «американской мечтой», предлагаемая «европейская мечта» должна восприниматься как общий идеал, образец идей и действий для стран Европейского союза, связанных друг с другом историей насилия. Европейская история – это сюжет, где присутствуют не только ужасы и травмы, но и мечта о мирном совместном будущем. Однако для того, чтобы преодолеть историю насилия, ее нужно знать и признать, нужно извлечь необходимые уроки, и это даст нам ресурсы, которые позволят справиться с вызовами настоящего и будущего.

Основные положения этой книги пережили несколько редакций. Некоторые тезисы я представила в прочитанной в сентябре 2017 года Венской лекции «Учиться у истории? Особый путь и кризис ЕС» и обсудила с Хубертом Кристианом Эхальтом и Оливером Раткольбом³, за что им очень признательна. Тому, что эта книга не была отложена в долгий ящик, способствовали неожиданные благоприятные обстоятельства. Присуждение Яну Ассману и мне в 2018 году Премии мира, учрежденной Союзом немецкой книжной торговли, ненадолго приоткрыло окно возможностей для реализации настоящего проекта. Дружескую поддержку оказал мне Берлинский институт перспективных исследований, где меня вдохновляли разговоры с

¹ Панкадж Мишра (род. в 1969 г.) – индийский писатель, публицист; одна из сквозных тем его книг – поиск развивающимися странами достойного места в мире, в котором европейцы и их союзники зарезервировали для себя лучшие позиции. – *Прим. ред.*

² *Mishra P.* Dankesrede zur Verleihung des Leipziger Buchpreises zur Europäischen Verständigung im Gewandhaus zu Leipzig am 12. März 2014; доступно на: https://static.leipzig.de/fileadmin/mediendatenbank/leipzig-de/Stadt/02.4_Dez4_Kultur/41_Kulturamt/Literatur_und_Buchkunst/LBEV/2014_pankaj_mishra_dankesrede.pdf.

³ Хуберт Кристиан Эхальт (род. в 1949 г.) – австрийский историк и антрополог, почетный профессор Венского университета. Оливер Раткольб (род. в 1955 г.) – профессор современной истории в Венском университете. – *Прим. ред.*

такими собеседниками, как Павел Махцевич, Лука Джулиани, Чарльз Майер и Дитер Гримм⁴. Издательство С. Н. Векк и его сотрудники Штефани Хельшер и Андреас Виртензон, которым пришлось работать в ускоренном режиме, проявили чуткость, компетентность и надежность. Я благодарю Яна Ассмана, первого читателя этой книги, за многочисленные поправки и наш чудесный нескончаемый диалог.

Траункирхен, август 2018 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ

«Для кого вы писали эту книгу?» – спросил меня недавно ученик одной из школ, где мы обсуждали мою «Европейскую мечту». Вопрос был неожиданным. Немного подумав, я ответила: «Для себя». И это правда, ведь я писала книгу для того, чтобы разобраться в некоторых проблемах под давлением текущих событий. Тем не менее я рада, что книга привлекла к себе внимание многих читателей, у которых независимо от их политических взглядов или профессиональных интересов возникла та же потребность прояснить общие «точки кристаллизации европейской мемориальной культуры»⁵. Хочу поблагодарить всех, с кем мне удалось лично обсудить основные идеи этой книги, за их откровенность, важные замечания и критику.

«Промежуточностью» моей книги обусловлены и ее проблемы. Так, например, специалисты по истории права выразили категорическое несогласие с моей трактовкой тех или иных событий европейской истории. Упрекали меня также за нечеткое разграничение понятий «Европа» и «Европейский союз». Европа как обобщающее географическое и культурно-историческое понятие включает в себя и Россию, в то время как Европейский союз представляет собой неустойчивое объединение с большим или меньшим числом стран-участниц, чья идентичность и роль в этом союзе служит предметом постоянных дискуссий. Тот, кто выходит из ЕС, остается, разумеется, в Европе, но и те, кто остается в ЕС, – тоже часть Европы.

Я воспользовалась переизданием моей книги, чтобы внести в нее небольшие дополнения. Они касаются периодизации европейской интеграции, начиная с 1945 года и вплоть до наших дней, а также истории прав человека в странах Центральной и Восточной Европы, истории миграции, понятия «Запад» до и после 1989 года и эпилога. Еще раз сердечно благодарю Штефани Хельшер и Андреаса Виртензона, вновь энергично поддерживавших меня, а равно и издательство С. Н. Векк, которое не пожалело усилий и быстро переиздало книгу.

Траункирхен, сентябрь 2019 г.

⁴ Павел Махцевич (род. в 1966 г.) – польский историк, Лука Джулиани (род. в 1950 г.) – немецкий археолог, Чарльз Майер (род. в 1939 г.) – американский историк, Дитер Гримм (род. в 1937 г.) – юрист, почетный профессор публичного права в Университете Гумбольдта. – *Прим. ред.*

⁵ О проблематике мемориальной культуры см., в частности, книгу: Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЯ?

Чему учит история? Стандартный ответ на этот вопрос: история учит лишь тому, что она ничему не учит. С этим мнением были согласны столь разные мыслители, как Георг Вильгельм Фридрих Гегель и Георг Бернхард Шоу. Позднее Райнхарт Козеллек⁶ привел еще один аргумент в пользу этого пессимистического ответа. Он сумел точно указать, когда и почему был изъят из обращения древний топос истории как учительницы жизни (*historia magistra vitae*⁷). Это совпало с закатом эпохи Просвещения. По словам Козеллека, мысль о том, что история ничему не учит, утвердилась в конце XVIII века, когда общество прониклось идеями модернизации, а потому сделало ставку на инновации и прогресс. С тех пор в динамичном историческом процессе прошлое и будущее, пространство опыта и горизонт ожиданий все явственней расходятся. Где прежде была непрерывность, воцарился антагонизм. Следовательно, уроки прошлого уже не годились для решения будущих проблем.

Поль Валери тоже принадлежал к числу тех, кто не считал, что история может чему-то научить. В 1931 году, после Первой мировой войны и накануне Второй, он видел, как, например, в Германии история, использованная в национальных интересах, превратилась в опасное идеологическое оружие: «История – самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта. Свойства ее хорошо известны. Она вызывает мечты, опьяняет народы, порождает в них ложные воспоминания, усугубляет их рефлексы, растревляет их старые язвы, смущает их покой, ведет их к мании величия или преследования и делает нации горькими, спесивыми, невыносимыми и суетными». И далее продолжает: «История оправдывает любое желание. Она, строго говоря, ничему не учит, ибо содержит все и дает примеры всего»⁸.

Сегодня эти слова звучат особенно актуально. Однако я полагаю, что после Второй мировой войны из разрушительной истории все-таки удалось извлечь уроки, и Европейский союз – наглядный результат их усвоения. Валери умер в 1945 году. Он дожил до конца войны, но не застал становления новой Европы. Если бы он мог вернуться, мы поведали бы ему, как развивалась история дальше. Во всяком случае, мне хотелось бы оспорить пессимистические суждения Валери об уроках истории, ибо из чего же еще нам извлекать уроки, как не из истории?

Действительно, следует оглянуться на предысторию ЕС, если мы хотим яснее различать нынешние процессы и лучше понимать кризис единства в европейском содружестве. Для этого я хочу предложить ракурс, который до сих пор не применялся в исторических исследованиях. Речь идет о коллективном восприятии Европейского союза его участниками и о той роли, которую играет или может сыграть в этом историческая память стран, входящих в ЕС.

⁶ Райнхарт Козеллек (1923–2006) – крупнейший специалист по теории истории, исторической антропологии, истории понятий. Самый известный его труд «Прошедшее будущее: К семантике исторического времени» (1979). См. также рус. пер.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2006. С. 33–53. – Прим. ред.

⁷ Цицерон, *De oratore*, II 36. – Прим. ред.

⁸ Valéry P. Extrait. De l' Histoire // Regards sur le monde actuel. Paris, 1931. [См. рус. пер.: Валери П. Избранное / Введение и редакция А. Эфроса. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. С. 289–290.] История дает примеры на все случаи жизни, о чем свидетельствует практика «исторических аналогий». Политическая риторика избирает определенное событие прошлого, чтобы ссылкой на него доказать неизбежность того или иного решения в настоящем. Примером может служить Мюнхенское соглашение 1938 года, вошедшее в историю как «стратегия умиротворения», развязавшая Гитлеру руки для осуществления его безумных планов. Все, кто стремится оправдать политику жесткости, отвергая дипломатические усилия, охотно ссылаются на этот пример.

ОБ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Размышляя сто тридцать лет назад о будущем национального государства, французский философ Эрнест Ренан пришел к следующему выводу: «Нации не вечны. Они имели начало, будут иметь и конец. Вероятно, их заменит конфедерация европейских стран»⁹. Сегодня многие склонны толковать это предсказание наыворот: Европейский союз не вечен. Он имел начало, будет иметь и конец. Вероятно, его (опять) сменят национальные государства.

Стал ли европейский проект транснационального альянса новой эффективной моделью демократической конфедерации государств или же он оказался лишь эфемерным историческим событием и вскоре бесследно исчезнет? Американский историк Тони Джадт еще в 1996 году говорил о «великой иллюзии» Европы. Однако незадолго до него британский политолог Алан Милуорд в своем классическом исследовании назвал Европейский союз «спасителем национальных государств»¹⁰. Возможно, сама постановка вопроса в форме «или-или», предложенная Ренаном, неверна. Ведь Европейский союз никоим образом национальные государства не упраздняет, но, наоборот, стабилизирует. Одна из особенностей ЕС в том и состоит, что, несмотря на передачу ему многих полномочий, он скорее усиливает, нежели ослабляет национальные тенденции.

Если бы Ренан заглянул к нам, чтобы поинтересоваться, как история развивалась дальше, мы поведали бы ему, что его предсказание о создании европейской конфедерации сбылось, однако при совершенно иных обстоятельствах, которые он не мог себе даже вообразить. Не было простого эволюционного перехода от национального государства к европейской конфедерации, а были революционные перемены и катастрофические потрясения, которые после двух опустошительных мировых войн привели в конечном итоге к реализации европейской идеи. Ее практическое осмысление началось сразу после Первой мировой войны, когда возник пацифистский проект «Лиги наций», ставший прямым ответом на эту войну, в которой пять европейских империй при частичной поддержке своих колониальных войск терзали друг друга в невиданной по масштабам вовлеченных технических средств бойне. Но прежде чем мирная европейская идея утвердилась, потребовалось сокрушить и похоронить с помощью военной силы еще одну, совершенно другую геополитическую европейскую идею, а именно безудержную имперскую экспансию немецкого нацистского государства, которую Гитлер связывал с Европой. Своей бредовой цели – установить тысячелетний рейх на европейской земле – он не достиг, но массовыми убийствами добился того, что пресекалась реальная тысячелетняя история сосуществования евреев и неевреев в Восточной Европе. На этот опыт насилия и разрушения после 1945 года нужно было найти ответ (в двойном смысле: как непосредственной реакции на войну, так и ответственных отношений по ее окончании). Замысел европейской конфедерации и стал таким ответом.

Многие считают сегодня Европу космополитическим проектом, который совместными усилиями преодолевает самодостаточность и агрессивный эгоизм однородных (гомогенных) национальных государств. И все же не эта идея лежала в основе Европейского союза. Первое побуждение носило чисто превентивный характер. Ни в коем случае нельзя было допустить повторения того, что произошло в первой половине XX века. Следовало исключить даже малейшие предпосылки к этому. Из этих соображений в 1950 году было создано Европейское

⁹ Renan E. Was ist eine Nation? Vortrag, gehalten an der Sorbonne am 11. März 1882 // Was ist eine Nation? und andere politische Schriften. Wien; Bozen, 1995. S. 57. [См. рус. пер.: Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч. в 12 т. Т. 6 / Пер. с фр. под ред. В. Н. Михайловского. Киев, 1902. С. 101.]

¹⁰ Judt T. Große Illusion Europa. Gefahren und Herausforderungen einer Idee. München, 1996. Аналогичные мысли высказал ранее Алан Милуорд в книге: Milward A. The European Rescue of the Nation-State. London, 1992.

объединение угля и стали (ЕОУС)¹¹. На первый взгляд речь шла всего лишь о беспопыльном доступе к сырьевым ресурсам тяжелой промышленности. Но на самом деле за этим экономическим сотрудничеством скрывалось нечто иное, а именно усмирение Германии в центре Европы. Необходимо было любым путем воспрепятствовать восстановлению тяжелой промышленности Германии, чтобы она не могла вооружиться для новой войны и опять угрожать соседним странам. Таким образом, экономическое сотрудничество шести стран-основательниц (Бельгии, Германии, Франции, Италии, Люксембурга и Нидерландов) служило, прежде всего, залогом долгосрочного мира. Германия, которая осуществила во Второй мировой войне широкомасштабную силовую экспансию, принесла столько горя своим европейским соседям и уничтожила европейских евреев, не должна была вновь получить такую же свободу действий в Европе, поэтому ее сначала надлежало укротить, ограничить и интегрировать.

Превентивные меры как адекватная реакция на опыт двух мировых войн постепенно сменились программой восстановления. С помощью американского плана Маршалла стратегия контроля и ограничений трансформировалась в широкую и последовательную поддержку экономического развития. США инвестировали огромные средства в модернизацию и экономический подъем Западной Германии. Немецкая марка стала символом успеха и брендом в новом альянсе стран НАТО. С помощью этого военно-политического блока времен холодной войны Западная Германия стала частью Западной Европы. Стержнем НАТО была концепция западной демократии и культуры, горячо поддерживаемая молодым поколением Германии, ибо она открывала транснациональные горизонты и обещала новое будущее. Европа модернизировалась благодаря глобальной молодежной культуре и протестному движению «Поколения 68». В этих культурных рамках западной модернизации вопрос «Что есть европейское?» отходил на задний план, а стремление к собственной национальной идентичности воспринималось как нечто несовременное и реакционное.

В 1970-е годы количество стран – членов Европейского содружества возросло до девяти за счет вступления в него Дании, Ирландии и Великобритании. Одновременно последние западноевропейские диктатуры в Португалии, Испании и Греции трансформировались в демократии, что сделало более однородным политический и экономический климат континентальной Западной Европы. Эти страны также стали членами ЕС в 1980-е годы. Падение Берлинской стены после сорокалетнего враждебного соседства в годы холодной войны привело к неожиданному, вызвавшему эйфорический восторг воссоединению Германии. Открытие прежде герметично замкнутых границ в 1989 году вызвало мощный всплеск мобильности и миграции, что принесло и свои проблемы. С вхождением ГДР в состав Федеративной Республики Германии двум ранее отчужденным группам населения пришлось налаживать совместную жизнь. Имели место высокомерие и патернализм, с одной стороны, «остальгия»¹² – с другой; горечь и недоверие ощутимы до сих пор. После крушения коммунистических режимов к Европейскому союзу в 1995 году присоединились еще три западноевропейских государства (Австрия, Финляндия и Швеция), а десятью годами позже, между 2004 и 2007 годами, в ЕС вступили двенадцать центрально- и восточноевропейских стран, где смена политического режима прошла не так мягко, как в Лейпциге и других городах Восточной Германии. Например, в Литве, которая обрела независимость в 1990 году, в январе 1991 года произошел военный путч: промосковские силы при поддержке советских военных попытались переломить ход событий. В результате этой попытки погибли четырнадцать гражданских лиц, и более тысячи были ранены. На состоявшемся затем референдуме 90,5 процента избирателей проголосовали за независимую Литву.

¹¹ План его создания разработан французским экономистом Жаном Моне. ЕОУС – первая в Европе организация, основанная на принципах наднациональной интеграции. Существовала с 1952 по 2002 год. – *Прим. ред.*

¹² Остальгия (от нем. *Ostalgie*) – ностальгия по временам и культуре ГДР; культурный феномен самоидентификации «осси» (восточников), противостоящих «весси» (западникам). – *Прим. ред.*

Этот последний этап развития ЕС, ознаменовавший историческое преодоление наследия холодной войны, зачастую именуется «расширением на Восток». Это понятие сегодня проблематично, ибо то, что после крушения восточного блока казалось хотя и неожиданным, но вполне логичным развитием событий, сопредельная Россия восприняла совсем иначе. В отличие от ЕС, трактующего эти события как исторический успех, российский президент Владимир Путин назвал в 2005 году распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века»¹³, а потому сейчас делает все возможное для сдерживания Европейского союза на востоке. Исторические воззрения не есть нечто тривиальное, их столкновение может повлечь за собой самые неожиданные последствия. Первым сигналом, который в то время еще не распознали европейские страны, стала реакция российской стороны на перенос памятника советскому солдату из центра эстонской столицы Таллинна на окраинное кладбище. На эту символическую и политическую провокацию Россия ответила первой массивной кибератакой с целью парализовать все важнейшие государственные учреждения страны¹⁴.

Присоединение Крыма в марте 2014 года и война в Украине значительно усилили напряженность в отношениях между Россией и Европейским союзом. Формирование новой коалиции ряда восточноевропейских стран – членов ЕС вместе с Россией свидетельствует о том, что мирное расширение альянса не привело к его консолидации, а обернулось новыми войнами и дестабилизацией. Сюда следует отнести и войну на Балканах в 1992–1995 годах. В резне, устроенной сербами в Сребренице, были убиты восемь тысяч боснийских мусульман. Нидерландские «голубые каски» из миротворческих сил ООН своевременно не вмешались и не смогли спасти человеческие жизни. Из стран, принявших участие в этой войне, Хорватия – член ЕС с 2016 года¹⁵, Босния подала заявку на вступление в ЕС, а Сербия, Черногория и Северная Македония значатся в списках кандидатов.

Строго говоря, европейская конфедерация создавалась дважды, причем исторические предпосылки были различны. По окончании Второй мировой войны ЕС воспрепятствовал возрождению в Германии эгоцентричного и агрессивного национального государства, и в то же время представил таким странам, как Франция, возможность трансформироваться из колониальной империи в нацию. По завершении холодной войны Европа строилась уже не на руинах мировых войн, а на обломках обанкротившейся и распавшейся советской империи. Иными словами, предпосылки для формирования европейской конфедерации существенно изменились. С принятием бывших стран восточного блока побудительной силой внутри ЕС стало движение не от национального к транснациональному, а, наоборот, от транснационального к национальному. Эта смена вектора привела, как отмечали уже в девяностые годы Тони Джадт и Алан Милуорд, к повторному открытию и возрождению национальных государств на Востоке и Западе.

Оглядываясь на почти семидесятилетний опыт европейской интеграции, приходится признать, что динамика, наметившаяся в 1990-е годы, значительно усилилась в связи с миграционным кризисом 2015 года. Центрально- и восточноевропейские страны, бывшие некогда частью советского блока, видели в Европейском союзе, прежде всего, защиту своей нации от коммунистического принудительного альянса. Поэтому свою идентичность и единство они основывают на образе коммунистического врага и национальном нарративе жертвы. Название их исторических музеев красноречиво говорят сами за себя: «Музей оккупации» в Риге, «Музей Холокоста» в Вильнюсе и «Дом террора» в Будапеште. В будапештском музее коммунистическое прошлое демонстрируется как эффектный ужастик, что, впрочем, не мешает венгерскому президенту проявлять больше симпатии к Путину, нежели к европейцам в Брюсселе.

¹³ Из послания Федеральному собранию 25 апреля 2005 года. – *Прим. ред.*

¹⁴ *Nougayrède N.* Europe's future now rests on who owns the story of its past // *The Guardian*. Februar 13, 2018.

¹⁵ У автора неточность: Хорватия вступила в ЕС в 2013 году. – *Прим. ред.*

Европейская конфедерация расшатывается, сплоченность Европейского союза подвергается серьезному испытанию на прочность. В настоящее время все пришло в движение, поскольку стала возможна альтернатива Европейскому союзу в виде новых альянсов и иной расстановки политических сил.

ЧЕТЫРЕ УРОКА ИСТОРИИ

Вернемся к вопросу, которым задавался Валери: чему учит история? То, что он описал в 1931 году, сегодня оказалось в высшей степени актуально, ибо мы повсеместно видим, как нации становятся «озлобленными, спесивыми, невыносимыми и суетными». История действительно «не учит ничему» – и здесь приходится согласиться с Валери, поскольку она «оправдывает все, что угодно». История становится политическим трофеем победителя. В авторитарных режимах историки, не согласные с официальным политическим курсом, подвергаются преследованию, их сажают в тюрьму, музеи закрывают, а памятники уничтожают, чтобы на их месте воздвигнуть неоспоримые и легитимирующие государство символы (см. ниже с. 146–151). И все-таки мы не можем принять выводы Валери целиком. Ведь с тех пор у нас появились понятия, концепты и правовые нормы, отсутствовавшие в его времена: «геноцид», «преступления против человечности», «уважение прав человека». Эти уроки истории хорошо известны, однако они не воспринимаются с той конкретностью, которая позволила бы эффективно ими воспользоваться. Политики неизменно упоминают их в своих выступлениях, но от бесконечных повторений они лишь блекнут и обесмысливаются. Если же вернуться от выхолощенной риторики к рассказу о том, как и когда эти исторические уроки были осознаны, то они опять наполнятся конкретным смыслом. Если к тому же вспомнить, в каких сложных исторических условиях были извлечены эти уроки, то они вряд ли будут быстро забыты. Исторические уроки памятны и действенны не потому, что постоянно звучат в речах благонаправленных политиков, а единственно потому, что мы их отстаиваем и претворяем в жизнь. Это начинается с внимания и интереса к урокам истории, из-за чего они перестают казаться чем-то само собой разумеющимся. Четыре урока истории, к которым мы обратимся, не были извлечены или придуманы одновременно. Два из них – миротворческий проект и проект демократизации – появились после 1945 года и еще раз прошли проверку после 1989 года; два других – мемориальная культура и права человека – добавились к ним только после 1989 года. Чтобы детальнее разобраться с этими уроками истории, следует рассмотреть, при каких исторических обстоятельствах они были усвоены и осмыслены.

УРОК ПЕРВЫЙ: СОХРАНЕНИЕ МИРА – КАК ВЕКОВЕЧНАЯ ВРАЖДА ПРЕВРАТИЛАСЬ В ДОБРОСОСЕДСТВО

«Мы достигли в Европе прочного мира, который основан на примирении вечных врагов. Это исторический пример для всего мира». Такими словами бывший глава Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу¹⁶ охарактеризовал суть исторического успеха ЕС¹⁷. Традиция заключения мирных договоров и прекращения наследственной вражды была сквозным мотивом европейской истории от Нантского эдикта (1598) по XIX век включительно. К сожалению, эта традиция не спасла от развязывания все более кровопролитных и широкомасштабных войн.

Начало европейского миротворческого проекта было положено после Первой мировой войны договорами, подписанными в Локарно в 1925 году. Эти договоры закрепили границу

¹⁶ Жозе Мануэл Баррозу (род. в 1956 г.) занимал пост председателя ЕК с 2004 по 2014 год. – *Прим. ред.*

¹⁷ François É., Serrier Th. (Hg.) Europa – notre histoire. L' Héritage Européen depuis Homère. Paris, 2017. P. 194.

между Германией и Францией, а также покончили с послевоенной изоляцией Германии ее приемом в Лигу Наций. Годом позднее Аристид Бриан и Густав Штреземан¹⁸ были удостоены за это Нобелевской премии мира. Однако мир оказался недолгим, его оборвал мировой экономический кризис и подъем национал-социализма. Но каким образом сумела Европа после 17 миллионов погибших в Первой мировой и 55 миллионов во Второй мировой войне, после беспрецедентных преступлений против человечества, полностью разрушенных городов и объектов культурного наследия приступить к новому строительству мира?

Необходимость сохранения мира после Второй мировой войны стала отправной точкой европейского проекта. Он начался с создания альянса, призванного устранить угрозу со стороны Германии, а впоследствии полностью интегрировать Германию в этот альянс. Для самих немцев в этом втором миротворческом проекте отказ от ненависти к союзникам и вообще от возмездия был неожиданным. Действительно, уже в 1946 году Уинстон Черчилль выступил за то, чтобы Германию и другие страны, сотрудничавшие с державами «оси», перестали винить за прошлое. После того как главных преступников осудил Нюрнбергский трибунал, Черчилль призвал отказаться от «взаимных счетов» и предать их совместному забвению¹⁹. Своим призывом к забвению, о котором подробнее будет сказано ниже (см. с. 46–50), Черчилль надеялся ради устойчивого мира обуздать чувство ненависти и желание мести.

Консенсусом для победивших держав стал отказ от мести, решительно поддержанный даже людьми, пережившими Холокост, как, например, Роберт Антельм²⁰, чье мнение в данном случае было бесценно. Иным было отношение Эли Визеля, бывшего узника концентрационных лагерей Аушвиц и Бухенвальд, который написал свою первую книгу воспоминаний на идише. Эта рукопись объемом в восемьсот страниц была по совету французского писателя Франсуа Мориака значительно сокращена и опубликована в скорректированной французской версии в 1958 году под названием «Ночь», где вспышки ненависти и желание мести смягчены.

Мир в Европе времен холодной войны был далек от идеала, поскольку представлял собой тоже часть политической стратегии, которая основывалась на новом после 1945 года образе врага. Вместо общих соседей теперь появились Советский Союз, коммунизм и Восточный блок, против которых объединился Запад. Таким образом, консолидированная Западная Европа возникла из конфронтации, сегрегации и поляризации. Рубеж, проходивший в центре Европы, все более углублялся, раскалывая ее на Восток и Запад. Это вело к дальнейшему внутреннему сплочению обоих политических блоков, в результате чего концепт «Запад» стал синонимом приверженности базовым культурно-политическим ценностям, конец которых мы ныне наблюдаем²¹.

После крушения Берлинской стены состав Европейского союза изменился, ибо в него вошли бывшие страны-противники. С этой неожиданной переменой изменилась и миротворческая миссия ЕС. Против кого образовалось содружество расширенного ЕС? Может ли ЕС вообще обойтись без образа общего врага? Здесь вновь особую роль сыграли жертвы истории, на сей раз не Холокоста, а ГУЛАГа, которые – подобно Вацлаву Гавелу или Александру Солженицыну – выступили за ментальную открытость и новые связи между Востоком и Западом. Правда, новые Национальные музеи в странах прежнего Восточного блока говорят на ином

¹⁸ Аристид Бриан (1862–1932) – премьер-министр и глава МИД Франции, Густав Штреземан (1878–1929) – рейхсканцлер и глава МИД Веймарской республики. – *Прим. ред.*

¹⁹ Из речи Черчилля в Цюрихском университете 19 сентября 1946 года: «Мы отвернемся от ужасов прошлого и обратим свой взор в будущее. Ведь мы не можем позволить себе год за годом тащить невыносимо тяжкий груз ненависти и злобы, вызванных причиненными нам в прошлом страданиями. Если мы хотим спасти Европу от бесконечных испытаний и верной гибели, то должны <...> предать забвению все прошлые преступления и ошибки». См.: <https://churchill.pw/soedinennye-shtaty-evgoryu.html>. – *Прим. ред.*

²⁰ Роберт Антельм (1917–1990) – французский писатель, участник Сопротивления, был узником Бухенвальда и Дахау, автор книги о лагерях «Род человеческого» (*L'Espèce humaine*, 1947). – *Прим. ред.*

²¹ Понятию «Запад» и его истории посвящено исследование историка Майкла Киммаджа (см. ниже с. 181–182).

языке. Там коммунизм, Красная армия, советская оккупация в период холодной войны задают образ врага и мрачный фон, на котором собственная национальная история представлена как нарратив жертвы. Тем не менее снова именно деятели искусства, такие, как Гюнтер Грасс или Чеслав Милош, исходя из своего опыта памяти, воспротивились принудительной политической и этнической гомогенизации, выступили посредниками новых отношений между Востоком и Западом²².

Если европейскую историю формируют мирные договоры, то европейскую политику – ритуалы примирения. Политику мира и примирения в послевоенные годы начали Шарль де Голль и Конрад Аденауэр. Они вместе принимали военные парады, а в 1962 году отслужили торжественную мессу в Реймском соборе. Этим они сигнализировали поверх национальных границ примирение и прощение равно в военном и христианском отношении. Выбранное историческое место было символично: именно в Реймсе на севере Франции 7 мая 1945 года немцы подписали акт капитуляции, здесь генерал Эйзенхауэр разместил свою штаб-квартиру. Религиозный ритуал очищения приобрел политическое значение, он свидетельствовал о стремлении ускорить и углубить интеграцию Западной Германии в сообщество западных стран.

Эту традицию продолжили государственные лидеры Гельмут Коль и Франсуа Миттеран встречей в 1984 году на солдатском кладбище в Дуомоне, где они почтили память погибших в сражении под Верденом и неожиданно обменялись рукопожатием перед мемориальной гробницей. Сама дата играла при этом важную роль. Спустя семьдесят лет после начала Первой мировой войны можно было убедиться, что застарелую вражду удалось преодолеть. Здесь встретились, чтобы исполнить ритуал примирения, француз и немец, представители следующего поколения: Миттеран воевал во время Второй мировой войны, а Коль потерял на ней своего брата. Аналогичное рукопожатие в память о Второй мировой войне тогда еще было табу. Лишь 6 июня 2004 года Герхарда Шредера, преемника Коля, пригласили на торжества по случаю шестидесятилетия дня «D», высадки союзников в Нормандии.

Коленопреклонение Вилли Брандта перед памятником бойцам еврейского гетто в Варшаве 7 декабря 1970 года само по себе стало историческим событием, о котором напоминает мемориальная доска, установленная на этом месте. Спонтанный жест покаяния и смирения, сломавший дипломатический протокол, оставил глубокое и неизгладимое впечатление в коллективной памяти. Это событие вписано в контекст новой политики примирения, которую проводили немецкие социал-демократы и либералы; она началась в 1965 году с «Восточного меморандума» Евангелической церкви Германии²³, а также диалога между польскими и немецкими католическими епископами, закрепленного рядом договоров и соглашений 1970–1972 годов.

В 1971 году Брандт был удостоен Нобелевской премии мира. Его коленопреклонению в Варшаве, первому зримому акту покаяния высокопоставленного немецкого политика перед жертвами Холокоста, даже посвящена опера²⁴. Этот акт полностью выпадает из истории миротворческой символики как уникальный, автономный и аутентичный жест, превосходящий любое политическое послание. Встав на колени, Вилли Брандт вместе с тем прочно закрепил в национальной памяти немцев восстание в еврейском гетто, поднятое в 1943 году. Однако это же обстоятельство (что было очень чутко воспринято в Польше) надолго вытеснило из немец-

²² Grass G., Miłosz Cz., Szymborska W., Venclova T. Die Zukunft der Erinnerung / Hg. von Martin Wälde. Göttingen, 2001.

²³ «Восточный меморандум» был опубликован 1 октября 1965 года под названием «Положение перемещенных лиц и отношение немецкого народа к его восточным соседям». В нем вместе с призывами отказаться от бывших немецких восточных территорий, относившихся к Польше, по существу, признавались установившиеся после войны границы по Одере – Нейсе. Тем самым Евангелическая церковь Германии способствовала «новой восточной политике» федерального канцлера ФРГ Вилли Брандта. Текст доступен на: https://www.ekd.de/ekd_de/ds_doc/ostdenkschrift_1965.pdf. – *Прим. ред.*

²⁴ Премьера оперы Герхарда Розенфельда «Коленопреклонение в Варшаве» на либретто Филиппа Коххайма состоялась 22 ноября 1997 года в Дортмундском театре.

кой памяти другое событие, а именно Варшавское восстание 1944 года, когда действовавшая в подполье польская Армия Крайова вступила в героическую, но безнадежную и повлекшую за собой множество жертв схватку с немецкими оккупантами.

В отличие от коленопреклонения Вилли Брандта, поступка спонтанного, без всякого сценария и единственного в своем роде, многочисленные выступления федерального президента Йоахима Гаука в связи со знаменательными трагическими годовщинами представляются частью последовательной европейской политики мира. В 1990-е годы государственные деятели разных стран начали каяться перед мировой общественностью за исторические преступления своих государств. Йоахим Гаук избрал другой путь. По случаю соответствующих памятных дат он совершал символические акты покаяния и примирения на совместных с представителями бывших жертв Германии церемониях скорби. Опираясь на свой пастырский опыт и компетентность в ритуалах, Гаук признавал, таким образом, особую историческую ответственность Германии за травматическую память ее европейских соседей, находя для нее зримое выражение в этих символических встречах. Его выступления стали значимыми событиями для европейской политики примирения и упрочения мира, которую он осуществлял в форме мемориального диалога.

Необычайно эмоциональные символические перформансы в Греции, Орадуре и на Вестерплатте, связанные со Второй мировой войной, а также на вершине Хартмансвайлеркопфа и в Люттихе, связанные с Первой мировой войной, сами делались историей, выражая в ритуальном действе признание жертвам, раскаяние преступников и давая выход совместной скорби. Здесь, как и в Орадуре²⁵, особую роль играла личная память очевидцев и участников трагедии. Эти символические постановки с пережившими трагедию людьми в конечном счете становились дипломатической формой терапии, высвобождавшей и разрешавшей в совместной скорби глубоко затаенные обиды и конфликты. Конечно, существенное влияние на атмосферу ритуала оказывала политическая конъюнктура церемонии. Насколько впечатляющей была в этом смысле траурная церемония в Орадуре, настолько же провальной она получилась в Греции, где из-за финансового кризиса готовность греческой стороны простить исторический долг увязывалась с нерешенной проблемой нынешнего финансового долга.

Британский историк Тимоти Гартон-Эш в одном из интервью выразил оптимизм Европы, несмотря на кризис евро и необходимость экстренной помощи банковскому сектору: «Ведь Европейский союз – уникальное творение. Никогда ничего похожего еще не было», – сказал он, имея в виду переориентацию европейских стран на мирные взаимоотношения, экономическое сотрудничество и транснациональную солидарность²⁶.

Годом раньше, в декабре 2012 года, ЕС был удостоен Нобелевской премии мира. В обосновании своего решения Нобелевский комитет подчеркивал, прежде всего, вклад ЕС в сохранение мира: «Ужасные страдания, принесенные Второй мировой войной, свидетельствовали о необходимости создания новой Европы. За семьдесят лет Германия и Франция трижды воевали друг с другом. Сегодня война между Германией и Францией немыслима. Это показывает, как благодаря целенаправленным усилиям и укреплению взаимного доверия исторические враги могут стать близкими партнерами»²⁷.

Другой пример европейского примирения – британская королева Елизавета II. Посетив в 2004 году Германию, она побывала также в Дрездене, где в своей примирительной речи сказала следующие слова: «Берлин олицетворяет собой выдающееся достижение – воссоедине-

²⁵ Во французском городке Орадур-сюр-Глан 10 июня 1944 года рота войск СС, возглавляемая 29-летним штурмбанфюрером СС Адольфом Дикманом, расстреляла и сожгла 642 жителей, в том числе 207 детей. – *Прим. ред.*

²⁶ «Nirgendwo hat es etwas Vergleichbares gegeben». Интервью с Тимоти Гартон-Эшем в *Süddeutsche Zeitung*, 4. Juli 2013. S. 11. В этом интервью Эш отметил уклончивую позицию Франции и Англии, «двух стран, роль которых в мире заметно снизилась».

²⁷ https://europa.eu/european-union/about-eu/history/2010-today/2012/eu-nobel_de (besucht am 7.8.2018).

ние Германии. Но мое восхищение не ограничивается Берлином. Восстановление дрезденской Фрауэнкирхе стало источником вдохновения для всех нас»²⁸. Эти слова имели конкретного адресата – британский благотворительный фонд, который собирал по всему земному шару пожертвования на восстановление церкви и золотого креста на ее куполе²⁹. Спустя восемь лет королева Елизавета II положила конец еще одной европейской истории насилия, давнему конфликту Британии со своим европейским соседом – Северной Ирландией. В июле 2012 года она попросила прощения у жертв британской имперской политики в Белфасте. Там во время исторической встречи с бывшим лидером католической подпольной организации ИРА Мартином Макгиннесом королева закрепила окончание затяжной распри с Северной Ирландией символическим рукопожатием.

В новом тысячелетии Европейский союз не только пережил серию кризисов, ему пришлось столкнуться и с абсолютно новыми внутренними испытаниями. Тенденции, отмеченные Нобелевским комитетом по присуждению премий в 2012 году, заявляют о себе ныне с еще большей силой. «Европейский союз в настоящее время сотрясают серьезные экономические вызовы и бурные социальные беспорядки. Норвежский Нобелевский комитет хотел бы привлечь внимание к тому, в чем он видит важнейшее достижение Европейского союза, – к успешной борьбе за мир и примирение, за демократию и права человека, к стабилизирующей роли ЕС в превращении Европы из континента войн в континент мира».

Нобелевская премия ЕС была не только признанием его исторических заслуг, но и призывом не забывать в кризисные времена о его целях и достижениях, видеть в них ориентир для будущего. Первый пример, рассмотренный в этой главе, связан с символической датой окончания Второй мировой войны, которая отмечается 8 мая на Западе и 9 мая на Востоке. Если историческая цезура 1945 года первоначально отделяла победителей от побежденных и освобожденных от преступников, то 8 мая было переосмыслено в Западной Германии федеральным канцлером Рихардом фон Вайцзеккером – еще до воссоединения Германии – как «День освобождения», а в Австрии 8 мая с недавних пор празднуется как «День радости». Второй пример посвящен тому, как Европа вспоминала о Первой мировой войне спустя ровно столетие после ее окончания. Возникает вопрос, удалось или не удалось достичь примирения в этой вглубь уходящей истории насилия. Сравнение между Англией и Францией показывает, сколь различны политические последствия сугубо национальной и осознанно транснациональной форм памяти.

УРОК ВТОРОЙ: (ВОС)СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ДИКТАТУРЫ В ДЕМОКРАТИЮ

Фактически большинство из 28 стран ЕС имеет за плечами опыт диктатуры. Следовательно, сохранение мира было невозможно без (вос)становления правового государства. Поэтому проект преобразования диктатуры в демократию – это второй урок, который европейцы извлекли из своей истории. Оба исторических урока, сохранение мира и демократизация, подтвердили свою значимость после событий 1990 года. Если после Второй мировой войны процесс демократизации покончил с национал-социалистической тиранией, то четыре

²⁸ *Kielinger Th.* Elizabeth II. Das Leben der Queen. München, 2012. S. 171.

²⁹ Речь идет о фонде «Дрезден-траст», который возглавил герцог Кентский, двоюродный брат королевы Елизаветы II. В общей сложности было собрано 750 тысяч евро. «Крест примирения», покрытый золотом 999-й пробы (24 карата), – подарок англичан. В его создании принимал участие кузнец Алан Смит, сын одного из британских пилотов, бомбивших Дрезден. – *Прим. ред.*

десятилетия спустя, после холодной войны и распада Советского Союза, он положил конец социалистическим диктатурам и тем самым открыл путь к расширению ЕС.

На карте мира в Федеральном агентстве политического образования³⁰ обозначены три различные формы государственного устройства: «страны свободной демократии» (47 процентов), «страны с ограниченной демократией» (5 процентов) и «страны, где отсутствует парламентская система» (40 процентов). Согласно статистике НПО Freedom House³¹, с 2005 года наблюдается тенденция к некоторому снижению демократизации (с 64 до 60 процентов). В Европе весьма ощутим сдвиг от «свободной» к «ограниченной демократии». Последнее характерно для стран, где политический транзит к демократии произошел сравнительно недавно. Поскольку в ряде европейских стран шаг за шагом идет движение вспять, важно напомнить, как начинался процесс демократизации.

После 1945 года в нескольких европейских странах демократию «восстановили», ибо она установилась в них еще по завершении Первой мировой войны. Например, из конституционных монархий Прусской империи и империи Габсбургов в 1918 году возникли новые парламентские республики. Их демократические конституции не были завоеваны, как во Франции, Великобритании или США, в результате борьбы и победы, они преподнесены поражением. Провозглашение республики и национального суверенитета обусловило создание новых государственных институтов и появление новых политических игроков на исторической сцене, но не обеспечило прочность этих перемен. В 1930-е годы на смену новым республикам пришли диктаторские режимы, что привело к развязыванию Второй мировой войны. Этот ретроспективный взгляд на начало XX века свидетельствует о том, что демократизацию как задачу социальных, политических и культурных преобразований нельзя считать завершенной, она постоянно нуждается в новых усилиях, защите и дальнейшем развитии.

В качестве впечатляющего примера усвоения уроков истории следует назвать прежде всего Нюрнбергский процесс. Впервые в истории победители судили побежденных, граждан другого государства. Этот процесс стал образцом для Международного уголовного суда в Гааге, основанного в 1998 году и с 2002-го рассматривающего дела, которыми не может или не хочет заниматься национальная юстиция³². Главный обвинитель от США Роберт Хьюаут Джексон, выступая 21 ноября 1945 года на открытии Нюрнбергского процесса, подчеркнул значение этой новации: «Тот факт, что четыре Великие державы, упоенные победой и страдающие от нанесенного ущерба, удержали руку возмездия и передали своих недавних плененных врагов на Суд справедливости, является одним из самых выдающихся примеров той дани, которую власть платит разуму». Причиной этой необходимой новации Джексон считал угрозу не только для стран, подвергшихся агрессии, но и для всей цивилизации: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злы и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся»³³.

³⁰ Федеральное агентство политического образования было создано в ФРГ в 1952 году с целью демократического «перевоспитания» немцев, их «переориентации» на демократические ценности и преодоление идеологии национал-социализма. – *Прим. ред.*

³¹ Неправительственная организация со штаб-квартирой в Вашингтоне, известная исследованиями состояния политических и гражданских свобод. Действует с 1941 года. – *Прим. ред.*

³² Компетенция Международного уголовного суда (МУС) охватывает геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии. МУС учрежден на основе Римского статута, признанного всеми странами ЕС. Великие державы не признали МУС, что ограничивает его деятельность.

³³ «The wrongs that we seek to condemn and punish have been so calculated, so malignant and so devastating, that civilization cannot tolerate their being ignored, because it cannot survive their being repeated» (<https://www.youtube.com/watch?v=L50OZSeDXeA>). Vgl. Gudula Hörr, Die Nazi-Kriegsverbrecher in Nürnberg, 20.11.2015, <http://www.n-tv.de/politik/Als-Goering-vor-Gerichtstand-article16034336.html> [Текст на русском языке доступен на: <https://history.wikireading.ru/157011>].

Нюрнбергский процесс ответил на Вторую мировую войну и век насилия переносом правовых норм с национального уровня на транснациональный. К числу новых юридических норм, которые вошли в свод международного права, относятся:

- преступления против мира (военная агрессия);
- военные преступления (против военнопленных и гражданских лиц);
- преступления против человечности (расистские преступления против евреев и других этнических меньшинств).

Отныне подобные деяния влекли за собой уголовную ответственность, хотя в рамках национальной правовой системы не считались преступными и совершались безнаказанно. Благодаря таким процессам само право осмысливалось с точки зрения морали, поднималось на новый уровень и утверждалось как международная норма. Тем самым национальное государство перестало быть высшей инстанцией для определения добра и зла; отныне все нации должны были следовать этим высшим нормам и нести ответственность за их нарушения.

Вторую мировую войну Германия с самого начала вела как войну агрессивную и истребительную, в ходе которой использовались три вида насилия³⁴:

- насилие против «врага» – война на Западе;
- насилие против «недочеловеков» (Untermenschen) – война на Востоке против славян как «неполноценных», обоснованная расистской теорией безудержного социал-дарвинизма;
- насилие против «нелюдей» (Nichtmenschen) – война против евреев как химеры внутреннего врага, которые (наряду с цыганами) были вообще лишены человеческого статуса.³⁵

Ответом на Холокост стала, главным образом, новая правовая норма «преступление против человечности», закрепленная вскоре после Нюрнбергского процесса двумя международными декларациями. Одна из них, подписанная в 1948 году, – это Декларация прав человека, главный принцип которой «Достоинство человека неприкосновенно» вошел в первую статью Основного закона ФРГ. Вторая, принятая в том же году и добавленная к Декларации прав человека, была предложена Рафаэлем Лемкиным – Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него, которая вступила в силу в 1951 году.

Все это свидетельствовало об осознании того, что минувшая война не была обычной. После войны, как правило, друг другу противостоят победители и побежденные, которые по завершении боевых действий подписывают мирный договор. Но геноцид не завершается мирным договором, после него надолго остается травма, к которой причастны три группы людей: преступники, жертвы и зрители. Особая роль уготована именно зрителям: они не подвергались насилию, а потому могут сами как моральная инстанция решать, хотят ли стать сообщниками преступников или свидетелями жертв.

В Германии переход от диктатуры к демократии после 1945 года произошел под сильным давлением извне. Подобный транзит политической системы может состояться также и в результате смены правительства, мирной революции или в силу внутреннего решения. Однако такая трансформация невозможна без четко обозначенного разрыва с прошлым. Эта четкая форма разрыва заключается в том, что действующее правительство морально отвергает предшествующий политический режим, объявляет его преступным и осуществляет судебное преследование главных преступников. Если такое действие сверху не происходит, то моральное и эмоциональное разъяснение вины и исторической ответственности может быть инициировано гражданским обществом, в том числе деятелями культуры, писателями, кинематографистами... Однако там, где имеет место «пакт о молчании» или сохраняется преемственность

³⁴ Благодарю за эту мысль Ханса Айхеля, бывшего премьер-министра земли Гессен и федерального министра финансов. Он высказал ее на конференции, состоявшейся 4 ноября 2016 года во Франкфурте в Доме у Собора, где обсуждалась выставка, посвященная вермахту.

³⁵ Различение между «недочеловеками» (Untermenschen) и «нелюдьми» (Nichtmenschen) заимствовано у Авишай Маргалита; см.: Margalit A. Politik der Würde. Über Achtung und Verachtung. Berlin, 1996. S. 106.

функциональных элит, декорации могут смениться, но сознательное противостояние преступному режиму невозможно. Если руководство прежнего политического режима остается у руля и продолжает пользоваться своим положением, то настоящий разрыв с прошлым не состоится. Без политического и общественного консенсуса относительно разрыва с прошлым, без глубокого осознания собственной истории не появятся непреложные ориентиры для будущего, которые своим однозначным «Никогда больше!» не допустят возврата прежних отношений и реабилитации бывших преступников. Разрывом между диктатурой и демократией устанавливается «час ноль» с его амбивалентным значением. Он открывает возможность для чего-то нового, а именно для совместного будущего, но в это будущее нельзя вступить, не обратившись к предыстории, которая должна быть изучена, осознана и осуждена.

Переход от диктатуры к демократии – сложная и ответственная задача, требующая больших усилий и не имеющая простых решений. Можно заменить государственное устройство страны, но не ее народ. Для существования демократии нужны демократы, а не коррумпированные элиты и непросвещенные верноподданные. Если трансформация политического режима происходит в короткие сроки, то для трансформации общества требуется порой работа нескольких поколений.

Сложный переход от диктатуры к демократии осуществляется на трех уровнях: 1) на политическом уровне посредством правового государства, 2) на уровне судебного обновления государства через систему правосудия переходного периода, 3) на общественном и культурном уровне путем воспитания граждан как зрелых и критически мыслящих демократов.

Нет запатентованных рецептов, позволяющих осуществить эти перемены, но есть новый инструментарий, который можно адаптировать к конкретной ситуации и развивать дальше. Инструментарий, используемый для успешного перехода от диктатуры к демократии, состоит из трех компонентов:

- судопроизводство: сбор доказательств, расследование, судебный процесс, вынесение приговора;
- историческое просвещение: проработка прошлого на основе архивных материалов и устных свидетельств;
- социальные коррективы: признание жертв и их реабилитация, реституция и примирение на основе общей исторической памяти о совершенных преступлениях.

На практике все три компонента не всегда напрямую взаимосвязаны. Если в Аргентине руководители военной хунты были отданы под суд, то в ЮАР избрали другой путь. Комиссия правды и примирения, возглавляемая в 1996–1998 годах архиепископом Десмондом Туту³⁶, сочетала элементы трибунала, катарсического эффекта драмы и христианской исповеди; упор делался на выявление истины и социальное исправление, тогда как аспект справедливости выносился за скобки. В Руанде прибегли к уголовному преследованию тех, кто совершал преступления, но на короткое время.

Переходные процессы, в результате которых диктатуры и авторитарные режимы под давлением требований правды и справедливости трансформируются в демократии, являются исторической новацией. По словам Кристины Хесс, эти новации возникли потому, что массовые жертвы государственного террора и таких макропреступлений, как резня, геноцид и другие виды тяжких нарушений прав человека, маргинализированы и игнорируются традиционной правовой системой, ориентированной на отдельную личность. Для того чтобы правовая практика против преступного режима и его жертв была более действенной, понадобились новые инструменты судебного преследования и наказания. Если современное уголовное право

³⁶ Десмонд Туту – англиканский архиепископ Кейптаунский, лауреат Нобелевской премии мира 1984 года. Был председателем Комиссии правды и примирения, расследовавшей грубые нарушения прав человека, совершенные в период апартеида с 1960 по 1994 год. – *Прим. ред.*

настроено односторонне на преступника, то указанные юридические новации призваны «улучшить в правовом и практическом смысле положение жертв»³⁷.

Павел Махцевич, бывший директор гданьского Музея Второй мировой войны, считает слишком идеализированными представления о демократизации посредством правосудия переходного периода. Он ощутил на себе откат демократизации в Польше и хорошо знает, что означает «страна с ограниченной демократией». В докладе, сделанном в берлинском Институте перспективных исследований (Wissenschaftskolleg), он представил анализ «правосудия переходного периода», которое, по его мнению, направлено не столько на защиту жертв, сколько на преследование преступников. Павел Махцевич предпочел говорить не о «правосудии переходного периода», а о «ретребутивном (карательном) правосудии», то есть о «судебном преследовании лидеров преступного режима и лиц, совершивших преступления по идеологическим и политическим мотивам». Он призвал учесть, что столь необходимый для демократизации «расчет с преступлениями и нарушениями, доставшимися в наследство от свергнутого режима и его исполнителей», крайне проблематичен и во многом неполон, потому что он политически инструментализирован и обременен разнообразными искажениями исторической правды³⁸.

Германии выпала особая роль в истории Европейского союза и прежде всего в его демократизации, ибо ей пришлось извлечь из своей истории двойной урок: в 1945 году, когда она вышла из фашистской диктатуры Гитлера, и в 1989 году, когда вышла из коммунистической диктатуры СЕПГ. Сравнение обоих транзитов напрашивается уже потому, что демонтаж второй диктатуры происходил в Германии с учетом преодоления первой диктатуры. Норберт Фрай³⁹ прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «То, что было непоправимо упущено после краха „первой диктатуры“, а именно уголовное преследование за преступления национал-социализма, не должно было повториться в ходе преодоления „второй диктатуры“»⁴⁰.

Историческое сравнение между концом нацистской диктатуры и концом диктатуры СЕПГ будет рассмотрено во второй части книги. В качестве еще одного примера мы возьмем Испанию, где в 1977 году произошел мирный переход от диктатуры Франко к демократии. Становление правового государства там осуществлялось не через процедуры «правосудия переходного периода» и не посредством ритуалов общественного примирения, а по иной модели. Перемены в Испании начались с «пакта о молчании».

УРОК ТРЕТИЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА И ФОРМИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Понятие «мемориальная культура» (Erinnerungskultur) присутствует в научных дискуссиях, выступлениях политиков, а также в средствах массовой информации и в повседневной речи с 1990-х годов. Мы сталкиваемся с ним постоянно, от воскресной проповеди до заголовка в «Шпигеле» на первой странице⁴¹, а потому больше не осознаём, насколько ново это словообразование. Причем ново не только собственно слово, но и его смысл. Однако почему этот ответ на эпохальное преступление, каким стал Холокост, пришел так поздно? Почему по

³⁷ Hess Ch. Die rechtliche Aufarbeitung von Kriegsverbrechen und schwerwiegenden Menschenrechtsverletzungen – eine Analyse aus der Perspektive der Opfer. Göttingen, 2007.

³⁸ Павел Махцевич. Выступление 26 июня 2018 г. в берлинском Институте перспективных исследований. Тезисы доклада.

³⁹ Норберт Фрай (род. в 1955 г.) – профессор новой и новейшей истории в Университете им. Фридриха Шиллера (Йена); автор книги «Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945» (2001), которая вышла на русском языке в 2009 году. – Прим. ред.

⁴⁰ Frei N. Die Zeit, 26. März 2009.

⁴¹ То есть с воскресенья до субботы. Der Spiegel («Зеркало») – еженедельник, который выходит по субботам. – Прим. ред.

окончании Второй мировой войны никто не говорил о мемориальной культуре? Почему столь долгое время люди предпочитали молчать?

Вопрос можно повернуть и спросить: «А зачем вообще помнить?» Не лучше ли после травматических событий истории забыть о них? Ян Филипп Реемтсма⁴² весьма эмоционально высказался против распространенного мнения, будто памятование само по себе есть благо: «Обязанность помнить, императивная семантика памяти... Но в чем состоит императив воспроизводства памяти? Памятование и забвение – свойства человеческой памяти, как таковые они не хороши и не плохи; обе эти способности лишь помогают справляться с жизненными обстоятельствами»⁴³.

Эту мысль следует принять безусловно. Можно привести примеры, свидетельствующие о том, что память способна разжигать ненависть и рессентименты, заслонять собой будущее и доводить людей до депрессии. Именно такие негативные свойства памяти имел в виду Уинстон Черчилль, выступая в сентябре 1946 года перед студентами Цюрихского университета. В своей речи он подчеркивал необходимость забвения: «Мы все должны повернуться спиной к ужасам прошлого. Надо смотреть в будущее. Мы не можем позволить себе пустить в грядущее ненависть и месть, порожденные ранами прошлого. Если мы хотим спасти Европу от бесконечных бедствий и полного уничтожения, то в основание этого должен лечь акт веры в европейскую семью и акт забвения всех преступлений и ошибок прошлого»⁴⁴.

Укрепление мира и устремленность в будущее через забвение

Речь Черчилля в защиту забвения исходила из важности исторического урока. Он хорошо понимал, какую роль сыграло в 1918 году, по окончании Первой мировой войны, символическое унижение Германии, закрепленное решением международного суда, которое, в свою очередь, отсылало к унижению Франции Германией после Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Версальский договор не сумел обеспечить прочного мира, наоборот, он привел к противоположному результату, а именно породил глубокую затаенную обиду. Черчилль слишком хорошо знал, что немцы тогда не только не забыли своего поражения и ликования победителей, но и смогли превратить «позор Версаля» в орудие политической мобилизации. Если для других стран изнурительная позиционная война Первой мировой обернулась, несмотря на победу, депрессией и демотивацией, то энергия реваншизма толкнула немцев напрямик в руки Гитлера и во Вторую мировую войну.

Черчилль не мог не считать память опасной, ибо на собственном опыте убедился, что она распаляет чувство ненависти и жажду мести. Поэтому он и ратовал за всеобщее забвение. Но такое забвение тогда означало не «вытеснение» из сознания, а «освобождение». Забвение приобретало положительный смысл, поскольку сулило глубокое обновление и открывало путь к совместному будущему. От этого будущего ожидался только позитив: развитие, рост, прогресс. Причем эти главные установки модернизационной культуры после 1945 года в равной мере разделялись и в западной, и Восточной Европе⁴⁵. Черчилль извлек урок истории. Немцы не только не забывали «позор Версаля», но истово помнили о нем, что и привело их ко Вто-

⁴² Ян Филипп Реемтсма (род. в 1952 г.) – немецкий филолог, педагог, эссеист, меценат. – *Прим. ред.*

⁴³ Reemtsma J. Ph. Wozu Gedenkstätten? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2010. Vol. 25–26. S. 3.

⁴⁴ Churchill R. S. (Eds) *The Sinews of Peace. Post-War Speeches by Winston S. Churchill*. London, 1948. P. 200. «The wrongs that we seek to condemn and punish have been so calculated, so malignant and so devastating, that civilization cannot tolerate their being ignored, because it cannot survive their being repeated». <https://www.youtube.com/watch?v=L50OZSeDXeA>. Ср. Hörr G. Die Nazi-Kriegsverbrecher in Nürnberg, 20.11.2015 (<http://www.n-tv.de/politik/Als-Goering-vor-Gerichtstand-article16034336.html>).

⁴⁵ К сходному выводу двадцать лет спустя пришел и Конрад Аденауэр. Во время своего визита в Израиль (1966) он сказал о необходимости «преодолеть время чудовищных преступлений, которые нельзя сделать несуществующими. Я знаю, как тяжело еврейскому народу смириться с этим. Но если не признать добрую волю, ничего хорошего не получится».

рой мировой войне. Поэтому урок истории гласил: память опасна, от нее следует отказаться, а забвение целительно, оно заглушает желание мести и открывает перспективы нового будущего.

В опубликованной в 2010 году книге «Заповедь забвения и неотвратимость памятования» специалист по истории античности Кристиан Майер напомнил нам о том, что забвение – ценный политический ресурс, который может после войны, особенно гражданской войны, вновь сблизить бывших врагов и установить мир в обществе⁴⁶. Если памятование, как верил Черчилль, возбуждает ненависть и жажду мести, то забвение способно примирить конфликтующие стороны и инициировать жизненно необходимую фазу реинтеграции общества. Разумеется, государство не может влиять на личные воспоминания своих граждан, однако оно в состоянии запретить им под страхом наказания беречь в публичном дискурсе старые травмы, возвращающие прежнюю боль и вражду, что приводит к новым обидам и агрессии. Майер подробно показывает, как подобная практика умиротворения применялась после гражданской войны в афинском полисе⁴⁷. Для нормативного забвения там даже придумали новое слово – *mnēsikakein*, буквально означающее «помнить зло» и на языке афинского правосудия соответствовавшее «запрещению памятования как коммуникативному запрету», то есть акту публичной цензуры, введенному ради общественного блага.

К практике умиротворения посредством совместного забвения прибегли и после Тридцатилетней войны. В мирном договоре, подписанном в 1648 году в Мюнстере и Оснабрюке, решающей была формулировка: *perpetua oblivio et amnestia*. Девиз «простить и забыть» неоднократно способствовал быстрой политической и социальной интеграции общества после гражданских войн; массовые амнистии гасили конфликтный потенциал враждующих сторон. Примерами из греческой, римской и новейшей истории Майер подтверждает свой тезис о том, что благодаря забвению политическая общность после эксцессов насилия и гражданских войн может быть восстановлена, а конфликтующие стороны способны вновь примириться. Решающей предпосылкой для этого является симметричность войны, в которой две вооруженные группы противостоят друг другу на равных. Однако при любых формах одностороннего насилия, таких как геноцид или массовые убийства гражданского населения, забвение становится уже не врачующим средством, а продолжением травматического насилия иным способом⁴⁸.

Тем не менее врачующее забвение было вновь использовано и после Второй мировой войны для восстановления западногерманского общества и укрепления мира в Европе. Вслед за капитуляцией Германии союзники в течение короткого времени покончили с нацистским государством в политическом, юридическом и символическом плане, предав уголовному преследованию видных нацистских преступников в рамках Нюрнбергского процесса. Таким образом, союзники восстановили правопорядок, однако речь шла скорее об акте избавления от вины и очистительном забвении, нежели о настоящем расследовании преступлений, совершенных нацистским режимом. То, что устроило союзников, немцам обошлось дешево. Большую часть нацистских функционеров реабилитировали, подлинная воля разыскать и наказать преступников в обществе отсутствовала. Герман Люббе позднее назвал эту ситуацию в после-

⁴⁶ Meier Ch. Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit. München, 2010. Дэвид Рифф также акцентирует внимание исключительно на негативных аспектах памятования. Для него «навязчивая ретроспекция оборачивается нескончаемой вендеттой». Rieff D. In Praise of Forgetting. Historical Memory and Its Ironies. New Haven; London, 2016. В статье «Хватит Дней Памяти» в «Гардиан» колумнист Саймон Дженкинс пишет: «Следует не помнить, а забывать. Едва ли не все конфликты в мире вызваны слишком упорным воспоминанием: о религиозных разделениях, о племенной междоусобице, о пограничных конфликтах, об унижениях и изгнании. Из-за чего, как не из-за памяти, сунниты борются с шиитами, а индусы – с мусульманами? Индия и Пакистан, похоже, не способны забыть о разделе. И сколь давние обиды стали причиной геноцида рохинджа со стороны Мьянмы» (Jenkins S. Enough of Remembrance Day // The Guardian. 9. November 2017).

⁴⁷ Имеется в виду Пелопоннесская война, конфликт между Спартой и Афинами, который охватил практически всю Грецию и длился 27 лет. – Прим. ред.

⁴⁸ Уже название книги Майера указывает на ограничения в использовании его концепции, в которой, однако, он делает исключение для Аушвица.

военном западногерманском обществе «коммуникативным умолчанием». Он оценивал такое умолчание весьма положительно; оно имело, по мнению Люббе, защитные свойства некоего кокона, внутри которого смогло произойти преобразование нацистского режима в современную западную демократию. В атмосфере защитного умолчания коричневых биографий демократизация среди граждан осуществлялась быстрее и эффективнее, чем в атмосфере взаимного недоверия, обвинений и доноительства. С точки зрения Германа Люббе, это было даже необходимо для демократизации: «Это умолчание было социально-психологической и политической атмосферой, необходимой для преобразования нашего послевоенного населения в гражданское общество Федеративной Республики Германии»⁴⁹.

Несомненно, в ту пору слышались и голоса несогласных, чьи веские аргументы нарушали это довольное самоуспокоение. Уже через пять лет после речи Черчилля Ханна Арендт показала, какой может быть альтернатива забвению, увязав ее с требованием исторической правды и необходимостью расследования исторических преступлений. В предисловии к английскому изданию своей книги «Истоки тоталитаризма» она в нескольких предложениях предвосхитила за полвека принципы новой мемориальной культуры: «Мы уже не можем позволить себе взять то, что было благом в прошлом, и просто назвать его нашим наследием, отбросить плохое и считать его мертвым грузом, который само время предаст забвению»⁵⁰. Арендт была убеждена, что травматическое прошлое века экстремального насилия не исчезнет само собой, как бывало раньше, но потребует к себе серьезной ретроспекции: «Мы должны осознать и нести бремя, которое наш век возложил на нас». Ее учитель Карл Ясперс в речи по случаю вручения ему в 1958 году Премии мира Союзом немецкой книжной торговли сказал: «Простые организмы забывают и начинают все заново, но мы люди, и мы никогда не найдем правду, если не будем помнить о том, что сделано до нас»⁵¹.

Историческое преступление, право и свидетельствование

Если бывшие преступники и их пособники, находясь под защитой забвения, чувствовали себя вполне комфортно, то для их жертв атмосфера «коммуникативного умолчания» была гнетущей. Их точку зрения в 1960-е годы публично выразили еврейские реэмигранты, такие как юрист Фриц Бауэр или уцелевший узник Аушвица Жан Амери, но их голоса не вызвали тогда широкого отклика; лишь в 1980-е и 1990-е годы они снова зазвучали в немецком обществе. Это объясняется не только повторяющимися поминальными днями, но и появлением новых понятий, а также возрастом переживших Холокост. Аннет Вивьерка⁵² назвала 1990-е «десятилетием свидетелей». После 1945 года таких понятий, как «травма» и «свидетельство», применительно к жертвам нацистских преступлений еще не выработали. В одном отношении Нюрнбергский процесс не был уникален, а именно в отношении к жертвам Холокоста. Им отводилась традиционная роль свидетелей, приглашенных на судебный процесс с одной целью – дать показания, которые наряду с допросом обвиняемых и собранными изобличительными материалами (в том числе документальными кинолентами) помогали задокументи-

⁴⁹ *Lubbe H.* Vom Parteigenossen zum Bundesbürger. Über Beschwingende und Historisierte Vergangenheiten. München, 2007. S. 20; *Lübbe H.* Der Nationalsozialismus im politischen Bewusstsein der Gegenwart // Deutschlands Weg in die Diktatur, hg. v. Martin Broszat u. a. Berlin, 1983. S. 334.

⁵⁰ Über den Totalitarismus – Texte Hannah Arendts aus den Jahren 1951 und 1953, übersetzt von Ursula Ludz, kommentiert von Ingeborg Nordmann. Dresden, 1998. S. 14. [См. рус. пер.: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 31.]

⁵¹ *Jaspers K.* Rede anlässlich der Verleihung des Friedenspreises des Deutschen Buchhandels 1958, http://www.friedenspreis-des-deutschen-buchhandels.de/sixcms/media.php/1290/1958_jaspers.pdf (последнее посещение 07.08.2018).

⁵² Аннет Вивьерка (род. в 1948 г.) – французский историк, специалистка по Холокосту и истории еврейского народа в XX веке. См. ее книгу «Как я объяснила моей дочери, что такое Освенцим», изданную в России в 2001 году. – *Прим. ред.*

ровать совершенные преступления. На Нюрнбергском процессе проблема «Убийство европейских евреев» еще не вышла на первый план. Жертвы были лишь одними из свидетелей.

Почти двадцать лет спустя иерусалимский процесс над Эйхманом, состоявшийся в 1961 году, коренным образом изменил положение. Теперь перед судом предстал единственный преступник и множество свидетелей, которые впервые в жизни смогли публично поведать о своих страданиях. Одновременно их ареной стал весь мир, ибо судебный процесс всюду показывался по телевидению. Исторически новая фигура «жертвы-свидетеля» сыграла важную роль и в «Освенцимском процессе» во Франкфурте (1963–1965). Генеральный прокурор Фриц Бауэр вызвал для участия в крупнейшем за всю историю ФРГ судебном процессе над нацистскими преступниками 212 узников, выживших в Освенциме, из 18 стран. Лишь оглядываясь назад, можно по достоинству оценить культурно-историческое и мемориально-политическое значение этого процесса: «В разгар холодной войны жертвы-свидетели предстали как международная группа, которая пересекла государственные границы и стала историко-политическим актором, прообразом транснационального сообщества свидетелей»⁵³.

Очевидна тесная связь между историей насилия, правом и свидетельствованием. В Иерусалиме и во Франкфурте мощное, впечатляющее выступление выживших свидетелей имело и большое символическое значение. Понятие «свидетель» приобрело коннотации, выходящие далеко за рамки юридической роли в этих процессах. Свидетели стали краеугольным камнем мемориальной культуры, которая сформировалась лишь двумя десятилетиями позже и спустя почти полвека после окончания войны, утвердившись благодаря новым понятиям, дискурсам и институтам. Понятие «свидетель» и «свидетельствование» вышли за рамки судебных заседаний; сегодня они относятся к голосам жертв, переживших Холокост, а также другие геноциды и преступления против человечности, которые вошли в сознание мировой общественности за последние десятилетия XX века. Если показания свидетеля в суде призваны дать лишь юридически пригодный материал для вынесения приговора, то личные рассказы выживших жертв помещают их в более широкий контекст и свидетельствуют об исторических преступлениях против человечности именно там, где историки их не задокументировали, ибо, когда эти злодеяния совершались, они еще не классифицировались не то что как преступления, но даже как «события».

Возращение памяти

Возращение памяти о Холокосте в средних слоях западногерманского общества началось в 1979 году с телевизионного показа четырехсерийного американского фильма «Холокост». Около пятнадцати миллионов зрителей, затаив дыхание, следили за историей семьи Вайс. В 1980-е годы за этим эмоциональным шоком, который поразил все поколения западных немцев и прорвал эмпатическую блокаду, зазяли новые бреши в политике замалчивания. Важную роль для включения истории в публичную повестку дня сыграли исторические годовщины и поминальные даты. Ключевым для перехода от забвения к памятованию годом стал 1985-й, за четыре года до воссоединения Германии. Символическая политика Гельмута Коля, стремившегося подвести финальную черту под прошлым, натолкнулась на свои пределы 5 мая 1985 года в Битбурге, куда он вместе с Рональдом Рейганом прибыл на немецкое военное кладбище, где были захоронены также и эсэсовцы, намереваясь совершить очередной ритуал прощения и забвения⁵⁴. В знак протеста против битбургской акции вскоре начались несанкционированные раскопки в Западном Берлине на месте бывшей штаб-квартиры гестапо, где теперь

⁵³ *Knellessen D.* Opfer als Akteure. Interventionen ehemaliger NS-Verfolgter in der Nachkriegszeit / hg. im Auftrag des Fritz Bauer Instituts von Katharina Stengel. Frankfurt am Main; New York, 2008. S. 11.

⁵⁴ *Hartman G. H.* (Hg.) Bitburg in Moral and Political Perspective. Bloomington, IN, 1986.

находится мемориал «Топография террора». Вооружившись кирками и лопатами, молодежь хотела продемонстрировать, что с прошлым отнюдь не покончено и оно не забыто.

Спустя три дня после Битбурга президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер выступил с речью по случаю сороковой годовщины окончания Второй мировой войны, в которой назвал это событие уже не «поражением» немцев, а «освобождением», что знаменовало собой присоединение к общеевропейской трактовке памятной даты. Еще через год разгорелся «спор историков», в ходе которого немецкие интеллектуалы полемизировали о том, какое значение должен иметь Холокост для будущей историографии. Под девизом «Прошлое, которое не уходит» историки развернули дискуссию об историческом месте национал-социализма. В центре дискуссии стоял вопрос: следует ли со временем отправить это событие прошлого Германии, как и другие события, в исторический архив? Дискуссия, которая рассматривалась некоторыми историками как побуждение к историзации нацизма, привела к обратному результату: она повлекла за собой активное возвращение травматического прошлого. Поскольку время не лечит травмы, причиненные экстремальным насилием, это насилие создает для жертв поистине «прошлое, которое не проходит» и которое требует своей проработки даже через десятилетия. Вместо того чтобы предоставить это прошлое эрозии времени или же сдать в качестве остывшего материала в исторический архив, травма Холокоста приобрела нормативный характер, став «прошлым, которое не должно уйти».

Применительно к тяжелому наследию национал-социализма все эти знаки отчетливо указывали на культурную переориентацию с забвения на памятование. После падения Стены понятие «мемориальная культура» заменило такие ключевые понятия 1950-х и 1960-х годов, как «подведение черты», «преодоление прошлого» и «возмещение ущерба», которыми в ФРГ характеризовалась политика самооправдания и забвения⁵⁵. Этими ключевыми концептами определялась позиция поколения, которое было убеждено, что с широкой социальной реинтеграцией старых нацистов ускорится модернизация общества, а с выплатой компенсаций жертвам преступлений можно будет в обозримое время искупить историческую вину. Эти установки не были поддержаны следующим «Поколением 68»; оно уже росло в условиях глобализации международной мемориальной культуры и способствовало внедрению этой культуры в собственной стране⁵⁶.

Что нового в мемориальной культуре? Пять пунктов

Новая мемориальная культура – это абсолютная историческая новация. У нее нет ни исторических предшественников, ни традиций, на которые она могла бы опереться. Это обусловлено исключительными обстоятельствами ее возникновения, а именно Холокостом – беспрецедентным преступлением против человечности. Дальше я хотела бы описать пять характеризующих ее признаков.

1. Мемориальная культура связана с тяжелейшими преступлениями в собственной истории. Эти преступления оцениваются сегодня ретроспективно, в соответствии с юридическими нормами, которые были установлены лишь после Второй мировой войны. В качестве уроков истории, извлеченных из Второй мировой войны и Холокоста, появились такие категории или нормы, как «преступление против человечности», права человека и конвенция против геноцида, которые, однако, стали политической реальностью только после 1990 года. В 1939

⁵⁵ Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. 2. Aufl. München, 1997; Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948–1990. Darmstadt, 1999.

⁵⁶ О роли протестного движения 1968 года см. с. 129–137.

году Гитлер мог бахвалиться: «Кто сегодня еще говорит об армянах?» Он видел, что геноцид армян 1915 года не осудили и забыли, а потому был уверен, что ему не грозит ни суд, ни глобальный бойкот за геноцид евреев. Сегодня мы по-прежнему говорим об уничтоженных евреях, однако не только о них, но и о рабах, о жителях колоний и туземцах, которые подвергались и по сей день подвергаются преследованиям, репрессиям и массовому истреблению. Теперь у нас есть транснациональные моральные нормы и Международный уголовный суд в Гааге, который вершит правосудие, выходящее за рамки законодательства отдельного национального государства.

2. *Новая мемориальная культура самокритична.* Йохан Хейзинга определил историю как «духовную форму, посредством которой общество дает себе отчет о своем прошлом»⁵⁷. Тем самым он четко сформулировал второй принцип новой мемориальной культуры. Речь идет о разъяснении негативных эпизодов собственной истории, которые не стираются из памяти и не забываются сами собой, а вновь и вновь становятся объектом изучения. Вину нельзя переложить на другого, ибо она вменяется только индивидууму за лично им содеянное. Но ответственность за совершенное преступление могут и должны брать институции, государства-правопреемники и общества даже в отдаленной перспективе.

3. *Новая мемориальная культура нуждается в исторических исследованиях.* Как показал политолог Тони Джадт, коллективное умолчание после войны имело место не только в Западной Германии, оно вошло в международную практику. В годы холодной войны национальная память европейских стран была заморожена ради поддержания западного и восточного блока по разные стороны «железного занавеса». Поскольку «вся ответственность за войну, принесенные ею страдания и совершенные преступления возлагалась на немцев», то преступления, совершенные во время войны и после нее другими, оказались «удобным образом забыты»⁵⁸. Это забвение сохранялось до конца холодной войны как на Западе, так и на Востоке. После 1990 года восточноевропейские архивы были открыты. Изучение этих источников повлекло за собой новую волну исторических исследований о Холокосте. Не только в Германии они вернули тему Холокоста в центр общественного внимания, но и во всей Европе, поколебав устойчивые положительные национальные представления о собственной стране. Приведу лишь несколько примеров: благодаря новым документам о Виши и об антисемитизме в Восточной Германии Франция и ГДР перестали быть исключительно борцами Сопротивления; после дела Курта Вальдхайма и дискуссии о Едвабне Австрия и Польша перестали быть исключительно жертвами; и даже нейтральной Швейцарии пришлось разбираться с «историческим наследием» своих банков и пограничных служб. Всюду новые источники и исследования вызвали прилив воспоминаний, горячие общественные дискуссии, которые ставили под вопрос уникальность и исключительность господствующего национального нарратива.

4. *Новое значение свидетельствования.* Но есть в истории преступления, о которых нет ни исторических, ни архивных документов. Джудит Батлер ввела в оборот понятие «нормативного насилия» для обозначения властных отношений, в которых формы одностороннего насилия оказываются не только возможными, но и считаются естественным, так что никому не нужно оправдываться. Это касается прежде всего преступлений, связанных с колониализмом и рабовладением, то есть такими формами эксплуатации и истребления, которые в период

⁵⁷ *Huizinga J.* Im Schatten von morgen. Eine Diagnose des kulturellen Leidens unserer Zeit. Bern; Leipzig, 1936. S. 9; *Huizinga J.* A Definition of the Concept of History // Klibansky R., Paton H. J. (Hg.) Philosophy and History. Essays presented to Ernst Cassirer (1936); переиздание New York, 1963. P. 9.

⁵⁸ *Judt T.* The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // *Daedalus* 121 (Herbst 1992). P. 83–119, здесь p. 87, 89.

совершения преступлений воспринимались как само собой разумеющиеся и не нуждающиеся в объяснениях. Однако там, где отсутствуют архивы, существует другой источник правды, а именно голоса жертв, веками оставшиеся не услышанными. Самым большим архивом страданий чернокожих в США является джаз, который занял центральное место в американской культуре, но так и не получил признания как законного свидетельства. Мы говорим сегодня об этих голосах как об «устных свидетельствах». Они подтверждают исторические травмы, о которых нет письменных источников. Ныне устные свидетельства (testimony) также нашли доступ в историческую науку.

5. Новая мемориальная культура диалогична. Это отличает ее от национальной памяти, которая традиционно монологична. Существенную роль играет при этом не только гордость. Повышенная сосредоточенность на жертвенных эпизодах собственной истории исключает для нее возможность стать формой духовного самоотчета и ответственности, к которым призывает Хейзинга, и позволяет «забыть» о собственной вине. Логика национальной памяти определялась и определяется дефицитом места: собственные страдания занимают обычно очень много места и вытесняют страдания, которые были причинены другим. Историк Марк Блох сравнил однажды национальные памяти с «диалогом глухих, которые невпопад отвечают на вопросы друг друга»⁵⁹. Но в Европейском союзе национальные памяти больше не изолированы, они неразрывно связаны с памятью соседей. Политические и культурные рамки ЕС сделали уже многое для того, чтобы национальные памяти стали более восприимчивыми друг к другу, более чуткими к собственной вине и к страданиям других. Вместе с тем также справедливо и иное: если монологизм национальной памяти вновь укрепится, европейская интеграция не сможет развиваться дальше.

От финальной черты к разделительной черте

Резюмируя изложенное, можно сказать, что на политической арене сегодня преобладают две совершенно разные практики национальной памяти. Первая хорошо известна и привычна. Личности и государства любят вспоминать то, что подтверждает их гордость и величие. Национальная память – это пьедестал, на который водружается положительный образ себя, который желает, чтобы его признавали и им восхищались. Поэтому события, портящие этот образ, стыдливо замалчиваются или вытесняются из памяти. В наших личных воспоминаниях мы тоже предпочитаем роль героя, а не проигравшего, не говоря уже о роли предателя или тем более преступника. Гордость правит воспоминаниями, выполняя функцию цензора, вымарывающего из памяти постыдные эпизоды. Призывая подвести финальную черту, мы хотим покончить с темной главой собственного прошлого, сдать ее в архив, согласно поговорке: с глаз долой, из сердца прочь! Следовательно, то, о чем после подведения финальной черты перестают говорить и спорить, должно со временем – таково желание – рассосаться само собой. Основной принцип: нужно забыть о прошлом, чтобы открыть путь к лучшему будущему. Однако за этот принцип, которому следовали Аденауэр и Черчилль, заплачена весьма высокая цена. В то время как победители и побежденные сумели поладить друг с другом, евреев и других жертв нацистского террора долго и упорно не слышали. Финальная черта всегда проблематична, она защищает преступников и причиняет вред жертвам.

После воссоединения Германии модель «финальной черты» сменила другая модель, которую я называю моделью «разделительной черты». Эта черта также проводит водораздел между настоящим и прошлым. Отличие, однако, состоит в том, что прошлое не предается забвению, а, наоборот, делает его предметом полемики и возвращает в память. Разделительная

⁵⁹ Middell M. (Hg.) Alles Gewordene hat Geschichte. Die Schule der Annales in ihren Texten 1929–1992. Leipzig, 1994. S. 159.

черта сложнее финальной черты: ею мы отделяем себя в настоящем от прошлого, которое тем не менее продолжаем считать своим. Мы сохраняем ответственность за него, одновременно дистанцируясь посредством сознательной рефлексии, историзации, а главное, переоценки ценностей. Разделительная черта – это форма полемики с прошлым, от которого трудно избавиться, но которое мы ни в коем случае не хотим повторить. Моральный императив «Никогда больше!» служит в таком случае четким ориентиром для будущего страны и ее общества. Но такое будущее строится не на забвении, а, наоборот, на памятовании, на извлечении уроков, на рефлексии и примирении.

За этой волей к знанию, пониманию и памятованию стоит желание прорваться сквозь прошлое и начать менять свою идентичность. Это желание обусловлено убежденностью в том, что нельзя дальше жить так, будто ничего не произошло. Там, где совершены преступления против человечности, непрерывность истории становится острой проблемой. Возникает потребность решительно отмежеваться от негативного прошлого, избавиться от него. Но это уже невозможно сделать простым отрицанием прошлого или его забвением, ибо забвение – как мы можем убедиться повсюду – есть наиболее устойчивая форма консервации. Модель разделительной черты порывает с негативным прошлым путем его разъяснения, изучения и обсуждения. Тогда от бремени истории нас освобождает уже не время, а активная полемика. Это относится прежде всего к странам, переживающим фазу политического перехода от диктатуры к демократии. Здесь главное правило: «Путь в будущее ведет через разъяснение травматического прошлого». И еще: «Непроясненная история преступлений закладывает мину на пути к демократии»⁶⁰. В этом случае не забвение, а памятование служит движущей силой обновления, ибо памятование создает основу для новой идентичности и становится самой безопасной формой дистанцирования от прошлых ошибок и преступлений. Именно так памятование, сочетая приверженность исторической правде, может стать преобразующей силой и заложить основу для обновленного национального самосознания. Транзит – переход – нуждается в трансформации, а значит, в совместной воле к преобразованию.

Обобщая, можно сказать, что необходимо взаимодействие восьми факторов для того, чтобы переходный процесс от диктатуры к демократии привел не только к политическому повороту, но и к устойчивым изменениям в общественном сознании и идентичности.

1. Государство должно сформировать определенные рамочные условия. К ним относятся, например, официальные праздники, учебные программы в системе школьного образования, места исторической памяти.

2. Институты культурной памяти (музеи, архивы, библиотеки и т. д.) должны открыть широкий доступ к истории без государственной опеки.

3. Юстиция должна пресекать преступления, а виновников привлекать к ответственности.

4. Историки (исторические комиссии) должны исследовать и обличать преступления.

5. Жертвы должны получить признание и право голоса на этом процессе.

6. Деятели культуры должны посредством собственных и независимых творческих усилий создавать культурный климат, способствующий пробуждению общественного сознания.

7. Средства массовой информации должны привлекать внимание к поднятым темам, содействовать публичным дискуссиям и информировать о них все слои общества.

8. Гражданское общество должно публично обсуждать ход социальных преобразований и поддерживать их инициативами на местах⁶¹.

⁶⁰ Leggewie C. Der Kampf um die europäische Erinnerung. München, 2011. S. 25.

⁶¹ Историк Норберт Фрай отвергает подобное взаимодействие, видя в нем посягательство на историческую науку как единственную профессию, уполномоченную отвечать за прошлое. Поэтому он последовательно выступает против и государства, и гражданского общества, в которых усматривает опасных конкурентов историков. В частности, нормативные документы о мемориалах он отвергает как «нелегитимную форму государственного посягательства на историю»; не без сарказма он говорит

«Мемориальная культура», в сущности, есть всего лишь еще одно понятие, обозначающее политическое образование, которое призвано активизировать участие в жизни общества и побуждать такие институции, как музеи, архивы и мемориалы, к самокритичной проработке своей истории. Цель мемориальной культуры – поддерживать в общественном сознании нетерпимость к насилию и преступлениям, чтобы вновь не подпасть под государственный террор и не отступить от достигнутых завоеваний правового государства.

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ: НОВОЕ ОТКРЫТИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Права человека – четвертый урок истории, извлеченный Европейским союзом. Я утверждаю, что этот урок, как и урок исторической правды, добавился к ядру мемориальной культуры лишь после окончания холодной войны. На первый взгляд это звучит неправдоподобно. Ведь права человека – не последнее изобретение, у них долгая и достойная история. США могут гордиться тем, что еще в 1791 году в «Билле о правах» они сформулировали неотчуждаемые, имеющие правовую санкцию основные права и свободы человека и гражданина; со времен Великой французской революции они стали составной частью современных представлений о нации. Однако действие этих «универсальных прав» на протяжении еще долгого исторического периода оставалось весьма ограниченным. Во Франции, например, оно не распространялось на женщин, а в США на чернокожее население. Ситуация изменилась после Второй мировой войны, когда эти права были провозглашены заново в Европе, став основой новой европейской идеи. Более того, можно даже спросить: не они ли – вообще первый урок, который европейская конфедерация извлекла из катастроф XX века?

Действительно, после 1945 года тема прав человека зазвучала с новой силой и энергией. В 1946 году была создана специальная комиссия во главе с Элеонорой Рузвельт, вдовой президента США Франклина Делано Рузвельта, для разработки международного кодекса прав человека. Ветераны Первой мировой войны, такие как Рене Кассен, французский юрист, дипломат и педагог, пережившие две мировые войны, видели в этом свое завещание для будущих поколений⁶². 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН в Париже права человека были вновь декларированы, если не сказать возведены: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах».

Однако ни формальное декларирование прав человека, ни их занесение в конституции новых европейских демократий, появившихся после Второй мировой войны, не могли автоматически породить новое моральное отношение к правам человека и новые социальные и политические практики в этой сфере. Кроме того, и климат холодной войны не благоприятствовал реализации прав человека. Политический конфликт между Востоком и Западом нарушил планы создать международно-правовое соглашение, имеющее обязательную силу, поэтому дело ограничилось лишь принятием Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека. В таком контексте их «универсальность» была сродни «необязательности». Потребовалось время, чтобы в 1980-е и 1990-е годы права человека вышли за рамки национальных государств и поднялись на новый уровень практики транснациональных неправительственных организаций, таких как Human Rights Watch и Amnesty International. Эти НПО

о слове «памятование»: «Похоже, широкие круги политического класса, используя благостное слово *памятование*, утратили всякое представление о преимуществах исторической науки, которая развивается независимо как от политических усилий формировать идентичность, так и от соображений полезности». *Die Zeit*, 26. März 2009.

⁶² После Второй мировой войны Рене Семуэль Кассен (1887–1976) был председателем Европейского суда по правам человека, одним из основателей ЮНЕСКО. За свою деятельность, связанную с защитой прав человека, в 1968 году он был удостоен Нобелевской премии мира и премии ООН. Премияльные деньги Кассен отдал на создание в Страсбурге образовательного учреждения для юристов всех стран – Международного института прав человека. К биографии Р. Кассена см.: *Winter J., Prost A. René Cassin and Human Rights. From the Great War to the Universal Declaration. Cambridge, 2013.*

возникли в 1960-е годы, но их широкий тематический резонанс, политическое влияние и глобальный охват пришлось уже на цифровую эпоху⁶³.

Гражданские права и права человека на Западе и на Востоке

Права человека не есть нечто стабильное, непрерывное, установившееся в истории. Их приходится неоднократно провозглашать, вновь и вновь открывать и заново отвоевывать в меняющихся исторических и политических обстоятельствах. Протестное движение чернокожих в США в 1950-е и 1960-е годы выступало не за права человека, это было движение за гражданские права. Речь шла о ликвидации укоренившегося неравенства и дискриминации, о прекращении статуса черных как униженного и угнетаемого меньшинства. Равные возможности, уважение в обществе, участие в политической жизни и социальная интеграция – таковы были требования протестующих, направленные на полное обретение гражданских прав. Чернокожие участники этого движения за гражданские права считали себя американскими патриотами и упрекали своих белых сограждан в несоблюдении установленных ими же принципов демократии.

В диктаторских режимах, где права человека не гарантируются конституцией, движения за гражданские права становятся автоматически движениями за права человека. В Западной Европе права человека не играли никакой роли в молодежном протестном движении 1968 года. Речь шла об освобождении угнетенных и о вооруженной борьбе против империализма как части мировой коммунистической революции. В странах Варшавского договора все обстояло иначе. В Польше в марте 1968 года Адам Михник⁶⁴ вместе с другими критически настроенными интеллигентами организовал студенческие акции протеста, за что неоднократно между 1968 и 1986 годами попадал на несколько месяцев в тюрьму. В январе 1969 года в Праге Ян Палах⁶⁵ облил себя бензином и совершил акт саможжения на Вацлавской площади в знак протеста против диктатуры и советской оккупации Чехословакии.

В 1970-е для протестного движения открылись новые горизонты благодаря изменившимся политическим условиям. С 1973 года наметились первые признаки разрядки политической напряженности. Среди них – открытие Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое проходило под девизом: «Безопасность – не возведение стен, а открытие дверей»⁶⁶. Спустя два года 35 стран – участниц СБСЕ встретились в Хельсинки. Десять принципов Заключительного акта, согласованных на Совещании, касались трех тематических областей: разоружения, экономического сотрудничества и «соблюдения прав человека». В условиях жизни социалистических диктатур первостепенную роль играли свобода мысли, совести, религии и убеждений, провозглашенных в седьмой главе Заключительного акта. Эта глава обернулась последствиями, которых государства Варшавского договора не могли себе даже вообразить. Во многих коммунистических странах возникли так называемые Хельсинкские группы, организованные восточноевропейскими диссидентами, для которых провозглашенные права человека стали исходным пунктом.

Один из примеров – правозащитное движение в Чехословакии «Хартия 77», членом которого стал позднее будущий президент Вацлав Гавел. Эта группа отстаивала права деятелей искусства и других политически преследуемых людей. Другой пример – забастовка рабо-

⁶³ В 1991 году по случаю 30-летнего юбилея мандат организации *Amnesty International* был официально расширен. См.: <http://static.amnesty.org/ai50/ai50-the-history-of-amnesty-international.pdf>. Р. 3.

⁶⁴ Адам Михник (род. в 1946 г.) – главный редактор самой влиятельной в Польше «Газеты выборчей»; один из наиболее активных представителей политической оппозиции 1968–1989 годов. Поводом к студенческим выступлениям послужило запрещение постановки в Национальном театре драмы Мицкевича «Дзяды». – *Прим. ред.*

⁶⁵ Ян Палах (1948–1968) – студент философского факультета Карлова университета в Праге. – *Прим. ред.*

⁶⁶ <https://www1.wdr.de/stichtag/stichtag4980.html> (последнее посещение 07.08.2018).

чих Гданьской верфи имени Ленина в августе 1980 года во главе с Лехом Валенсой, которая привела к переговорам с правительством за Круглым столом⁶⁷ и созданию первого независимого профсоюза в Восточном блоке. Об этом правозащитном движении сегодня напоминает «Европейский центр Солидарности» (ЕСЦ) в Гданьске. Две деревянные доски с 21 требованием забастовщиков ЮНЕСКО причислило к важнейшим документам истории человечества (наряду со скрижалями Моисея). Выступления рабочих происходили и раньше; однако движение «Солидарность» добилось устойчивых перемен и, в конце концов, ликвидации репрессивных органов. Этот эпизод стал не только знаменательной вехой польской истории, но и важной частью европейской истории. Ради этого общего наследия, в конце концов, и был создан музей, получивший от ЕС финансовую поддержку в сумме 51 миллион евро, который открылся в августе 2014 года.

В учредительном документе ЕСЦ задача этого музея указана четко: сохраняя наследие «Солидарности», центр призван способствовать «новым культурным, общественным, <...> национальным и европейским инициативам универсального характера», а также «делиться успешным опытом мирной борьбы за свободу, справедливость, демократию и права человека с теми, кто их лишен»⁶⁸. Изначально нарратив экспозиции отталкивался от идеи ведущей роли Польши в распаде Восточного блока. Он должен был показать, что к падению Стены привели не только гражданские движения в ГДР и странах Прибалтики, что первым потрясением, приведшим к перевороту, стала забастовка рабочих верфи имени Ленина. Эту пропитанную духом конкуренции и польской национальной гордыни концепцию не принял назначенный в 2011 году директором музея Базиль Керский. По его мнению, музей должен содействовать дальнейшему развитию демократии в Европе с тем, чтобы «в духе мирной революции „Солидарности“ <...> прошлое и будущее Польши и Европы вступили в продуктивный диалог»⁶⁹. Свою позицию он объяснил верой в Европу: «будучи сообществом демократических наций, ЕС опирается на фундаментальные ценности, нормы и убеждения, выработанные благодаря общему историческому опыту»⁷⁰. Поэтому, как говорится на сайте музея, история «Солидарности» должна «упрочить сообщество европейских демократий и стать важной частью учредительного мифа Европы».

Этот музей видит себя не только музеем мирной польской революции, но прежде всего европейским образовательно-исследовательским центром по правам человека. Музей открывается аркой на месте, где расположена верфь имени Ленина в Гданьске с ее огромными воротами в Польшу, Европу и мир. Последний зал посвящен «Триумфу свободы», где выставлены фрагменты Всеобщей декларации прав человека на разных языках. Как подчеркивалось на торжестве по случаю 35-й годовщины создания профсоюза «Солидарность», музей продвигает «идеи свободы и солидарности и является местом встречи для граждан, которые чувствуют свою ответственность за дальнейшее развитие демократии. Этой цели служат документирование свидетельств участников исторических событий, проекты для детей и молодежи, конференции, кинопоказы, публикации и выставки»⁷¹.

Заключительный акт, подписанный в Хельсинки, начал фазу открытости между Западом и Востоком, которая предшествовала объединению Европы, сыграв решающую роль в его подготовке. Это был момент, когда права человека возродились и заново открылись как основа

⁶⁷ Круглый стол проходил с 6 февраля по 5 апреля 1989 года. Кроме оппозиции и правительства в нем участвовало и руководство Католической церкви. Благодаря КС прошли первые в Восточной Европе свободные выборы, и был легализован независимый профсоюз «Солидарность». – *Прим. ред.*

⁶⁸ *Czerney S. Zwischen Nation und Europa. Nationalmuseen als Europamedien. Diss. Frankfurt am Main, 2017. S. 207.*

⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁰ *Ibid. S. 211.*

⁷¹ Самоописание «Европейского центра Солидарности» см. на сайте: http://www.polnisches-institut.at/7,1,142,de,Europaisches_Solidarnosc_Zentrum_in_Gdansk_Zum_35_Jahrestag_der_Grundung_der_Gewerkschaft_Solidarnosc.

новой расширенной Европы. В начале декабря 2018 года, во время похорон Джорджа Буша – старшего, мы вновь услышали в СМИ фразу, сказанную бывшим президентом США в 1989 году: *We have won the Cold war!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.